

АЛЕКС ОРЛОВ

ОХОТНИКИ ЗА ГОЛОВАМИ

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Тени войны

Алекс Орлов

Охотники за головами

«Автор»

2000

Орлов А.

Охотники за головами / А. Орлов — «Автор», 2000 — (Тени войны)

Их хлеб нелегок. На разных планетах они ловят тех, кого боится даже полиция. Однако и «охотники за головами» могут спасовать перед монстрами, которых случайно оживили самонадеянные ученые. Весь мир катится в пропасть, но на помощь приходит подружка экипажа. Меч в ее руках страшнее бомб. Она знает древние языки, и прошлое ее – неизвестно. Не слишком ли много для обычной шлюхи? Но берегись, если услышишь: кона ло вуаха!

Содержание

1	5
2	8
3	10
4	12
5	15
6	18
7	20
8	22
9	23
10	25
11	27
12	28
13	30
14	34
15	37
16	39
17	40
18	42
19	44
20	46
21	49
22	50
23	53
24	54
25	56
26	58
27	60
28	63
29	64
30	65
31	67
32	70
33	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Алекс Орлов

Охотники за головами

1

В пустыне Тамар, занимавшей третью часть всего Ганнибала, сколько-нибудь заметные события происходили не часто. Только обычный круговорот сменявших друг друга сезонов: холодного и теплого, а в промежутках между ними однообразная каша из ветра, мокрого песка и вырванных с корнем колючек. Разгоняясь по свистящим дюнам, эти колючки сбивались в огромные шары и прыгали, как воплощения пустынных духов, наводя страх на чужаков и принося кочевникам драгоценное топливо для их очагов.

Вот и Минеху повезло. Огромный шар колючек рассыпался, не сумев одолеть высокую песчаную гору. Должно быть, он проделал большой путь и, послушный ветру, катился от самого моря, постепенно набирая силу и забирая в себя шары поменьше.

И вот теперь он лишился сил и рассыпался.

«Нельзя расти бесконечно, – думал Минех, собирая измочаленные песком колючки. – Даже самые хорошие бараны и те растут только один год, а потом начинают дряхлеть. Что толку держать барана долго, если его мясо становится жестким, а шерсть желтеет от старости? Так и с колючками – нужно сжечь их в очаге, пока они могут дать тепло, чтобы согреть воду для чая, а не ждать, когда песок превратит их в бесполезную пыль».

Минех собрал топливо и вернулся к песчаной горе. Здесь, под брезентовым навесом, он устроил свое временное пристанище. Овцы дремали чуть в стороне, сбившись в кучу. Ни ветер, ни колючий песок им не мешали – толстая шерсть надежно укрывала их от всяких невзгод.

Едва от очага потянуло дымом, прибежал пес Минеха Сиу. Он знал, что, если хозяин разводит огонь, значит, что-то перепадет и ему. И это не важно, что Сиу уже успел поймать пару песчаных крыс. Косточки со стола Минеха казались псу значительно вкуснее.

Чуть погода приковыляла и оба змеелова. На объедки со стола Минеха они не претендовали, поскольку еды им хватало и в пустыне. Но их интересовала соль. Змееловы прилегли чуть поодаль, ожидая, когда хозяин достанет заветный узелок с солью.

Заметив внимательно наблюдающие за ним глаза-бусинки, Минех усмехнулся и достал соль.

– Хина! – крикнул он. Один из змееловов распахнул широкую пасть. Кусок соли исчез в ней, и пасть захлопнулась.

– Габин! – пришла очередь второго помощника, и тот тоже разомкнул свои челюсти.

Габину достался кусок побольше, поскольку он еще не оправился от укуса пустынной мамбы.

Это была четырехметровая змея, и Минех был уверен, что Габин отступит, но тот оказался упрямым зверем и сцепился с мамбой, зубы которой пробили шкуру змеелова.

После того как Габин перекусил мамбу пополам, он упал, и Минех думал, что змеелов погибнет. Вся его морда пузырилась кровавой пеной, извергавшейся из мест укусов, – так организм змеелова боролся со страшным ядом мамбы.

Минех знал, что, попади такой яд в кровь человека, через десять минут тот превратился бы в лужицу подтаявшего желе. А Габин выжил, и только рана на морде заживала слишком медленно: спустя почти неделю яд мамбы все еще продолжал действовать.

Получив свою соль, змееловы ушли за гору. Теперь они не появятся, пока Минех не поведет отару дальше. А вот Сиу остался рядом с пастухом. Он съел остатки хозяйского ужина и побежал к овцам, чтобы проверить, как они себя чувствуют.

Минех и сам удивлялся, как пес умел определять больных овец. Стоило одной из них захворать, как Сиу отделял ее от стада и пригонял к Минеху. Но на этом таланты Сиу не заканчивались. Он мог еще и считать. Когда, год назад, пала одна из овец, пес не находил себе места, пока не разыскал ее труп и не привел к нему хозяина.

Пастух поставил на огонь закопченный чайник и подбросил в костер колючек. Пламя взметнулось вверх и тут же распласталось понизу от нового порыва ветра.

Минех посмотрел на небо. Казалось, тучи спускались все ниже, и это означало, что ветер не утихнет даже ночью.

Пастух прислушался. К шелесту песка и свисту ветра добавился другой, посторонний шум. Он то пропадал, то появлялся снова.

Поднял голову Сиу. Он тоже слышал незнакомый звук. Заблеяли овцы, и пес побежал к ним.

«Что бы это могло быть?..» – удивился Минех. Он много лет пас овец и знал обо всех неожиданностях, которые подстерегали человека в пустыне.

Низкие тучи прорезал яркий свет, затем он погас. Шум усилился. Свет появился снова. Он был таким ярким, что Минех прикрыл глаза рукой. Луч света прошелся по овцам, испугнул змееловов и растаял далеко в пустыне.

Внезапно низкие тучи расступились, и показался огромный корабль. Минех слышал о таких, но не очень-то верил рассказам путников. Он не понимал, как такая большая штука могла летать по воздуху и не падать вниз.

«Значит, не вдали люди...» – подумал пастух, придерживая войлочную шапку. Корабль садился далеко от него, но поднятые им песчаные вихри, споря с ветром, уже достигли стоянки Минеха.

Судно опустилось на песок, и снова во все стороны полились потоки яркого света. Открылись грузовые ворота, и оттуда по опустившемуся мосту начали выходить люди.

К такому Минех не был готов. Он даже вскрикнул от удивления – люди выходили прямо из отверстия в животе этой громадной штуковины. Следом за ними выехало несколько машин, которые сразу же резво побежали по дюнам. Одна из них направилась прямо к Минеху. Она была похожа на жука-скарабея – такая же гладкая и круглая.

Пастух стоял не двигаясь, ожидая, когда неожиданные гости подъедут ближе. Машин он не боялся, поскольку часто видел их у берега моря.

Автомобиль подъехал ближе, и пастух увидел, какие у него чудные колеса. Они были очень широкими, и оттого машина почти не проваливалась на склонах зыбучих дюн.

Не доезжая до Минеха, машина остановилась, и из распахнувшейся двери на песок ступил человек в диковинной, на взгляд Минеха, одежде.

Черная куртка с широкими наплечниками, черные штаны и большая черная шапка, почти полностью закрывающая лицо. Вслед за первым пассажиром из машины вышли еще несколько. Они стали указывать руками в разные стороны, о чем-то напряженно споря.

Тот, что вышел первым, приблизился к пастуху. Он был высокого роста, и на его поясе Минех заметил оружие.

– Как дела, старик?

– Ничего дела, добрый человек. Хлеб есть, вода есть, овцы есть – все хорошо.

– Ну и отлично. Скажи-ка, старик, в какой стороне Тайхон?

– Там... – махнул рукой Минех, указывая туда, где рождался этот бесконечный, несущий песок ветер.

– Так я и думал, – кивнул незнакомец. – Стало быть, это и есть центр пустыни?

– Да, добрый человек.

– Тебе придется уйти отсюда подальше. Километров на пять... – Незнакомец посмотрел на Минеха из-под стального козырька, и пастух кивнул:

– Надо – значит, уйду.

– Молодец, старик. – И незнакомец поощрительно похлопал Минеха по плечу. Рукавица была жесткой, рука тяжелой, и все же в голосе военного Минех почувствовал легкую вину за то, что приходится сгонять пастуха с его стоянки.

– Ну все, давай уходи, у тебя всего полчаса, – сказал незнакомец и вернулся к похожей на жука машине.

«Важные люди... – подумал Минех, возвращаясь к своим овцам. – Если они говорят „уйди“, значит, нужно уходить...»

Выдернуть колья, снять брезент и бросить все это на санки было для Минеха делом обычным, и спустя десять минут он уже гнал сонных овец туда, где было еще одно хорошее место для стоянки.

Поначалу овцы шли медленно. Они то и дело спотыкались и наталкивались друг на друга. Однако вскоре разошлись, стали подавать голоса и при случае подхватывать оголенные ветром корни.

Сиу снова был при деле. Он громко лаял, бегал вокруг стада, не позволяя овцам проявлять излишнюю самостоятельность, и всем своим видом показывал, что очень счастлив.

«Хорошая собака...» – посмотрев на Сиу, подумал Минех. Он вспомнил, как в Тайхоне ему предлагали за пса четыреста кредитов. Деньги очень хорошие, и покупатель был готов поднять цену вдвое, но Сиу был очень ценным помощником. Таким ценным, что стоимости в деньгах для него не существовало.

Повинуясь ветру, стадо начало поворачивать вправо.

Не отпуская саней, Минех выкрикнул для Сиу команду, и пес начал разворачивать стадо влево.

«Хорошая собака...» – снова подумал пастух и обернулся.

Там, откуда он ушел, еще были видны силуэты больших кораблей и снующие между ними автомобили. Песок затруднял видимость, и фары машин были включены на всю мощь.

Из-за ближайшей дюны появились змееловы Минеха. Было заметно, что они недовольны внезапным, незапланированным переходом. Однако мешочек с солью все еще находился у хозяина, и они послушно последовали за его санями.

Поначалу были слышны только блеяние овец, свист песка да лай Сиу, но вскоре все эти звуки стал вытеснять неясный гул, переходящий в раскаты приближавшегося грома. Минех остановился и снова посмотрел туда, откуда он ушел. Казалось, тучи там настолько сгустились, что среди дня наступила ночь. В этом полуденном сумраке еще ярче светились прожектора, установленные на совершивших посадку судах.

Часть этих лучей освещала большое пространство на земле, а другая часть была направлена к черной туче, которая постепенно сгущалась и все отчетливее проступала на фоне остального неба.

Вскоре стало ясно, что это был еще один корабль, только очень и очень большой.

Минех даже забыл про своих овец, собаку и змееловов. Он смотрел раскрыв рот и не замечал, что ему на язык попадают летящие с ветром песчинки.

Воздух заколыхался от разрывающего звука гигантских двигательных энергоустановок, и дюны задрожали, почувствовав приближение громадной массы космического скитальца.

Наконец судно вышло из низких туч, и Минех воскликнул:

– Вах! Такого я еще не видел!

Овцы тотчас легли на песок, а храбрый Сиу подбежал и прижался к ногам хозяина. Лишь флегматичные змееловы тупо таранились совсем в другую сторону и думали только об узелке с солью, хранящемся у хозяина.

2

Большой десантный корабль «Омега» вот уже пять часов как вышел на орбиту вокруг Ганнибала. Бездействие и неизвестность порядком нервировали офицеров, и они с нетерпением ожидали приказа.

Что это будет за приказ, никто не знал, но существовало только два варианта: либо спуск на Ганнибал с инспекционной миссией, либо бросок до Парциха, где в лагерях В-гуманов возникли волнения. В некоторых из них была перебита охрана, и пять тысяч В-гуманов разбежались по окрестным лесам. Словом, работы там хватало.

Капитан Гэс Локвуд зашел в казарменный отсек и еще раз проверил своих людей. Он допускал, что за пять часов уже надоел им своими придирками, однако в случае боевой высадки он должен был знать о каждом чихе солдат. За спиной капитана было шесть компаний, и его подход к делу всегда себя оправдывал.

– Эй, Флемминг, где твоя кираса?

– Наверное, под кроватью, сэр...

– Что значит «наверное», сукин ты сын? Когда ты начнешь ее искать? Или ждешь объявления тревоги? Я делаю вам некоторые послабления только потому, что на одном уставе далеко не уедешь. Ты можешь хранить свое обмундирование хоть в сортире, если тебе так удобнее, но ты должен знать, где оно лежит...

– Да, сэр!

– А чье это оружие? Твое, Зиг?

– Так точно, сэр.

– Почему оно в таком виде?

– Я пытаюсь устранить неисправность, сэр. Электрический выбрасыватель барахлит.

– А ты разве механик, Зиг?

– Нет, сэр.

– Так какого же рожна ты устроил в казарме мастерскую? Разве это твое дело?

– Сэр, я прошел со своим «грэйном» две кампании, и он мне как друг... – оправдывался солдат.

– А если этот твой престарелый «друг» откажет в бою и ты подставишь не только себя, но и своих товарищей, которые на тебя понадеются? Подействует на них твой рассказ о «старом друге»?

– Прошу прощения, сэр. Я сейчас же отнесу его на склад, – уныло согласился Зиг.

– Ладно, отставить склад. – Капитан Локвуд был строг, но понимал отношение солдат к своему рабочему инструменту. – Отнеси в мастерскую, и пусть твоему «другу» сменят начинку...

– Спасибо, сэр, – расплылся в улыбке Зиг.

Возвратившись к себе, Локвуд застал у дверей лейтенанта Сабелиуса.

– Кажется, есть новости, сэр, – сообщил лейтенант.

– Что конкретно?

– Скорее всего, мы сядем на Ганнибал, чтобы подготовить прибытие некоего секретного груза.

– Ладно, – капитан толкнул дверь каюты, – заходи, поговорим.

Лейтенант принял приглашение и зашел внутрь. Оказавшись в жилище капитана, он огляделся.

Здесь все было так же, как и у остальных офицеров, за исключением нескольких картинок, набитых из травяной соломки. Сабелиус знал, что капитан Локвуд имеет такое редкое для

военного человека пристрастие. По слухам, во время кампаний капитан не раз рисковал жизнью, чтобы достать новые сорта сушеной травы, так необходимой ему для плетения картинок.

– Ну так что там за груз, Леон?

– Говорят, какое-то секретное оружие.

– Кто говорит? – Капитан достал из холодильника бутылку лимонада и поставил ее на стол.

– Майор Бунн...

– Этот ничего не знает. – Локвуд щелкнул открывалкой, и в бутылке зашипели газовые пузырьки.

– Полковник Зельдович говорил то же самое.

– Это уже серьезнее, но неужели он делится этой информацией с тобой?

– Нет, сэр. Эти сведения я получил от работников главной канцелярии.

– Капитану Локвуду немедленно явиться к начальнику особого отдела... – сообщил динамик голосом дежурного офицера.

– Ну вот, Леон, сейчас все и узнаем... Лимонад будешь?

– Нет, сэр, не хочется.

– Зачем же я его открывал? Ладно, пошли.

В сопровождении Сабелиуса капитан Локвуд прибыл к кабинету полковника Зельдовича. От важности предстоящего сообщения капитан немного волновался. Он всегда волновался, когда не знал, что его ожидает.

Дверь подалась легко, словно не имела веса, и капитан испуганно ухватился за ручку. Ему показалось, что, распахнувшись, дверь ударится о стену.

«Да что это со мной?..» – одернул себя Локвуд.

Полковник сидел за столом и что-то писал. Подняв на капитана глаза, он сделал знак, чтобы тот садился, опуская приветствие и доклад.

Локвуд сел, и Зельдович отложил бумаги в сторону.

– Итак, капитан, наконец-то мы получили вполне определенные указания. Парцих – это не наше дело, туда направлены силы 29-й бригады. А мы должны обеспечить доставку ценного и очень секретного груза.

– Куда, сэр?

– Вот сюда... – И полковник ткнул карандашом в разложенную на столе карту. – Это пустыня Тамар, а вот здесь, в самом ее центре, должен быть посажен грузовой транспорт типа «геркулес»... Этим делом занимается первый отдел Управления стратегического планирования.

– Ух ты! – вырвалось у Локвуда. Он никогда не слышал, чтобы УСП само выполняло какие-либо действия. Обычно это делали СЕК, ДИКАР и другие второстепенные структуры, служившие управлению «руками» и «ногами».

Тот факт, что УСП занималось этой проблемой, как нельзя лучше характеризировал секретность и важность предстоящей акции. Полковник Зельдович назвал сроки готовности, и на этом аудиенция была закончена. В итоге Локвуд покинул кабинет полковника, практически ничего не зная.

«Ничего не поделаешь – секретность», – вздохнул он и отправился готовить своих людей.

3

Спускающийся на Ганнибал транспорт мелко сотрясало встречными потоками воздуха, и от этого его стены гудели на низкой, предупреждающей ноте. Иногда в плоское днище судна врезался шальной смерч, и тогда весь корпус корабля гулко вторил эху удара, словно большой котел.

Солдаты уверенно стояли на ногах и, согласно инструкции, держались за специальные ременные петли. Тех, кто отпустил страховочные ремни раньше времени, ждало дисциплинарное взыскание.

Сорок человек с одной стороны шлюза и сорок с другой. Остальные сорок десантников размещались в бронированных пустынных «баг», небольших и юрких автомобильчиках с широкими колесами.

Капитан Локвуд сидел в первом. Задача его подразделения заключалась в постановке заградительной цепи из солдат по линии «Тайхон – Восток».

В какой стороне сейчас находился город Тайхон, никто не знал, поскольку Ганнибал имел нестабильные полюса и их местоположение определялось по специальной таблице. Значения были указаны на каждый час, и, чтобы сориентироваться точно, требовалось дожидаться, когда часы покажут равное время, без минут и секунд.

Ярко вспыхнули контрольные огни, и десантники присели на полусогнутых ногах. Транспорт довольно мягко коснулся поверхности планеты, и его турбины, взревев последний раз, успокоились.

При посадке на дюны транспорт получил довольно заметный крен, но включившаяся система гидравлической регулировки выправила этот дефект, и вскоре выходные трапы начали ложиться на песок.

Солдаты первыми сбежали вниз, а затем по освещенным прожекторами дорожкам начали выезжать «бати».

– Езжай вправо... – приказал капитан лейтенанту Сабелиусу, и тот повел машину к большой песчаной горе.

Ветер нес песок сплошным потоком, который струился по лобовому стеклу, словно окрашенная глиной вода.

– Кто-нибудь знает, где находится этот Тайхон? – обратился Локвуд к своим подчиненным.

– Через сорок три минуты будет ровно восемнадцать ноль-ноль, сэр. И тогда можно будет сказать точно, – предложил лейтенант Брандт.

– Так долго ждать мы не можем.

– Я вижу человека, – сказал Сабелиус, указывая на экран теплового монитора.

– Езжай к нему, – приказал капитан. – Может, он укажет нам правильное направление. Только не подъезжай к нему близко, а то он еще испугается и убежит...

Машина приближалась к одиноко стоящему силуэту, однако он не двигался с места, и капитан начал сомневаться – живой ли это человек или что-то другое?

– Стой! – скомандовал он, и Сабелиус остановил машину. Локвуд опустил на лицо защитный фильтр и вышел из «бага». Вслед за ним вышли и трое его спутников.

– Наверное, Тайхон где-то там, – неопределенно махнул рукой Брандт.

– Или там, – указал в противоположную сторону лейтенант Тейлор.

– А мне кажется... – хотел предложить свою версию Сабелиус, но капитан его не дослушал и направился к одиноко стоящему человеку.

Теперь было ясно, что это живой человек, а не забытый ледником камень.

Подойдя ближе, Локвуд увидел пожилого седовласого аборигена.

– Как дела, старик? – спросил он, чтобы завязать разговор.

– Ничего дела, добрый человек. Хлеб есть, вода есть, овцы есть – все хорошо.

– Ну и отлично. – Капитан был рад, что пастух оказался разговорчивым. – Скажи, старик, в какой стороне Тайхон?

– Там... – указал пастух в ту сторону, куда без фильтра на глазах и взглянуть-то нельзя было. Однако сам пустынный человек только слегка щурился и, казалось, совершенно не замечал постоянно молотящего по лицу песка.

– Так я и думал, – сказал капитан. – Стало быть, это и есть центр пустыни?

– Да, добрый человек, – подтвердил пастух. Он все больше нравился капитану, и ему было неловко выгонять старика, однако это было не во власти Локвуда.

– Тебе придется уйти отсюда подальше. Километров на пять... – Капитан заглянул старику в глаза, ожидая увидеть там обиду, но тот с готовностью кивнул:

– Надо – значит, уйду.

– Молодец, старик, – улыбнулся Локвуд и, чтобы высказать пастуху свое расположение, похлопал его по плечу: – Ну все, давай уходи, у тебя всего полчаса, – и, повернувшись, пошел к «багу».

– Что он сказал, сэр? – задал вопрос Сабелиус.

– Он указал туда, откуда дует ветер. Так что, господа лейтенанты, разворачивайте подразделение вот сюда и строго на восток, как раз по направлению ветра. Дистанция между солдатами – десять метров.

4

Солдаты капитана Локвуда простояли в оцеплении до самого утра. Жалея своих подчиненных, капитан разрешал им садиться на песок и отдыхать. Однако дистанцию они не разрывали, и оцепление сохранялось в целости.

Кроме подразделения Локвуда в оцеплении стояли люди майора Вертински, капитана Веласкеса, капитана Бродерика и еще нескольких других командиров, не относящихся к десантному крылу дивизии.

Время от времени офицеры собирались небольшими группами и обсуждали ситуацию.

Внутри оцепления была поставлена еще одна цепь из солдат, прибывших на «геркулесе». Это были не армейские, а, скорее всего, полицейские силы. Об этом говорили их слишком легкое вооружение и подчеркнутая молчаливость. Второе оцепление не пропускало даже офицеров, что подтверждало слова полковника Зельдовича об особой секретности.

«Геркулес» постоянно стравливал излишки хладагента, из чего капитан Локвуд сделал вывод, что на транспорте поддерживались сверхнизкие температуры. Возможно, в этом нуждалось то самое оружие, о котором также упоминал Зельдович.

Время от времени садились обычные грузовики. Они поднимали целые тучи песка и, пока его уносило ветром, успевали выгрузить строительные материалы и землеройные машины, которые тут же приступали к делу.

После разгрузки суда взлетали, а им на смену спускались новые.

– Что ты думаешь по поводу этой возни, Гэс? – спросил подошедший к Локвуду капитан Веласкес.

– Зельдович сказал, что мы обеспечиваем доставку секретного груза.

– Он и мне сказал то же самое, но при чем здесь строительство?

– Ну, наверное, прямо сейчас построят и хранилище, – пожал плечами Локвуд.

– У нас что, мало готовых хранилищ?

Локвуд снова пожал плечами:

– Эх, курить как хочется. Как ты думаешь, если я закурю, это не будет являться демаскирующим фактором?

– На фоне всех этих прожекторов – вряд ли.

– Вот и я так думаю, – с готовностью согласился Веласкес и, расстегнув ремень кирасы, достал из-под брони сигареты. Он хотел сейчас же сунуть сигарету в рот, но в последний момент вспомнил, что его лицо закрыто фильтром. – Вот незадача, а как же я курить буду?!

– А ты сними фильтр, – посоветовал Локвуд.

– Тогда мне в рот песок набьется...

Веласкес опустил защиту и ухитрился повернуться так, чтобы ему в лицо не попадали вездесущие песчинки. Затем он прикурил сигарету и, прикрывая лицо перчаткой, сказал:

– А я так думаю, Гэс, раз тут замешано УСП, значит, происходит какое-нибудь поганое дело.

– Поганое дело? Например...

– Ну, они могли раскопать захоронение принца Циркуса.

– Думаешь, они сумасшедшие?

– Почему сумасшедшие? – Веласкес сделал еще одну затяжку и продолжил: – Почему сумасшедшие, Гэс? Ты думаешь, парни из управления испугаются какого-то там проклятия, наложенного четыреста лет назад?

– Ну а зачем управлению вскрывать эту могилу?

– Ты что, ничего не слышал о супероружии принца Циркуса?

– Все это сказки... – покачал головой Локвуд. Однако слова Веласкеса заставили его задуматься. Ведь и Ганнибал, и Парцих – все это принадлежало к империи Зеленых Озер, которую некогда создавал великий Циркус. В свое время все журналы и газеты писали о проклятии, запечатавшем склеп Циркуса, и о великом оружии, которое принц унес в свою могилу. Четыреста лет никто не трогал древний склеп. Даже грабители могил, и вот теперь... Неужели УСП решилось на это?

От оцепления второго круга отделилась фигура и направилась к Локвуду и Веласкесу.

Гэс не придавал этому значения, но вскоре возле него материализовался пыхтящий от чувства собственной важности субъект. На нем были лейтенантские погоны, но Локвуд готов был поспорить, что военную форму этот парень надел впервые.

– Вы разве не знаете, что в оцеплении курить нельзя? – противным голосом спросил лжелейтенант.

– А мы не в оцеплении, – возразил Веласкес. Вид пыхтящего лейтенанта не произвел на него впечатления.

– Горящая сигарета – это демаскирующий фактор! – начал наскокивать на Веласкеса полицейский.

– В данном случае, молодой человек, не сигарета, а прожектора являются демаскирующим фактором, – не согласился с лейтенантом Веласкес, однако сигарету бросил и втоптал ее в песок.

– То-то же, – еще раз пыхнул лейтенант и, развернувшись, пошел обратно. А капитан Веласкес, чтобы хоть как-то усть выскочку, крикнул наобум:

– Зачем вскрыли могилу Циркуса, извращенцы?

Каково же было удивление его и капитана Локвуда, когда лжелейтенант резко обернулся и уставился на офицеров, будто они застали его за воровством.

Полицейский сделал два шага по направлению к Джефу Веласкесу и спросил уже не столь уверенно:

– Откуда у вас такая информация?

Локвуд хотел остановить Джефа, но того уже понесло.

– Да уж откуда надо, господин лейтенант. Имеем кое-какие источники...

– И... что же вам еще известно?

– Джеф, заткнись! – потребовал Локвуд, но Веласкес его словно не слышал.

– Все известно. И про супероружие, которое вы там искали! – выпалил он, видя, что его слова поражают лейтенанта.

– Кто это «вы»? – уточнил лейтенант. Теперь он был внимателен, миролюбив и, как губка, впитывал все, что говорил капитан Веласкес. – Кого же вы, капитан, подразумеваете под словом «вы»?

– Управление стратегического планирования. Это и ежу понятно... Думаешь, я не вижу, что ты этот мундир только сегодня надел?

– Ну-ну... – кивнул полицейский и, как будто сразу потеряв к Веласкесу интерес, пошел к цепи своих солдат.

«Нехорошие у него глаза, – подумал Локвуд, – а Джеф – форменное трепло. Теперь схлопочет нагоняй – это как пить дать...»

Веласкес проводил взглядом шуплую фигуру лейтенанта и сказал:

– Кажется, я сказал лишнего, Гэс.

– Кажется, да, – согласился Локвуд.

– Но уж очень хотелось мне прижать этого сучонка... А то раскомандовался тут, карась гражданский.

– Ну ладно, Джеф, пойду я к своим, а то, не ровен час, придет такой умник с проверкой.

– Да и я тоже пойду, – сказал Веласкес. Он поправил фильтр и побрел по песку. Его фигура отбрасывала длинную тень, которая горбилась и временами расплывалась в пелене непрекращающегося песчаного дождя.

Веласкес уже скрылся в темноте, а Гэс Локвуд все стоял и смотрел в сторону ярко освещенного участка, где рычали мощные моторы и отвалы песка становились все выше и выше. Он вспомнил реакцию этого странного лейтенанта на слова Джефа, потом посмотрел на дымящий хладагентом «геркулес» и подумал, что Веласкес, сам того не понимая, угодил точно в десятку. Вопрос только в том, что находилось внутри криогенных боксов «геркулеса». Может, тело самого Циркуса? Но кому нужна полуистлевшая мумия?

«Нет, Гэс, там лежит что-то такое, от чего может содрогнуться мир...» – От внезапно пришедшей догадки Локвуда даже в жар бросило.

«Стоп, капитан Локвуд, это не твое дело... Кругом и шагом марш к своему подразделению...» – приказал себе Гэс и тут же выполнил эту команду.

5

Нат Шуйски посмотрел на часы, поднялся со стула и, положив в рот остатки бутерброда, снял со спинки стула халат.

– Что, уже пора? – зевая, спросил напарник Шуйски Лу Броун. Он всегда спал, предпочитая сон всем другим видам отдыха.

– Увы, мой мальчик, – с набитым ртом проговорил Нат. – К тому же мы опаздываем на целую минуту.

Выйдя в коридор, напарники поспешили на свой пост. Не ровен час, явится проверяющий, и тогда неприятности будут гарантированы.

Шуйски шел первым. Время от времени он оборачивался и бросал короткие команды:

– Лу, поправь кепку, она у тебя криво сидит...

– Лу, одерни халат, а то у тебя складки, как у похудевшего бегемота...

– Лу, застегни ширинку...

– Да она у меня застегнута! – возмутился Броун.

– Это всего лишь проверка, Лу. Всего лишь проверка...

Они свернули направо, потом налево, потом поздоровались со сменой энергетиков.

– Пошли скорее, Лу, видишь, эти уже сменились...

Почти бегом оба влетели на пост и остановились как вкопанные с застывшими от ужаса лицами.

Старший агент Магнус смотрел на операторов, как удав на двух наглых кроликов. Можно было не сомневаться, что Магнус проглотит их обоих.

– Почему опоздали? – тихо спросил он. От его голоса по спинам провинившихся побежали мурашки.

– Видимо, часы в нашей каюте неисправны, сэр, – почти шепотом произнес Нат Шуйски.

За спиной Магнуса переминались с ноги на ногу отработавшие смену Пильзнер и Фантоцци. Им хотелось поскорее уйти, а не становиться свидетелями всех этих ужасов, на которые агент Магнус был большой мастак.

– Часы... Так-так... – Старший агент покачался на каблуках, заложив руки за спину. Затем подошел к напуганным операторам и пообещал: – Если соврали, шкуру с обоих спущу. Ясно?

– Да, сэр.

– Я иду проверять прямо сейчас, – прошипел Магнус и выскользнул в коридор.

«Иди проверяй, придурок...» – подумал про себя Нат. В способностях Броуна он не сомневался. Тот хоть и был неисправимым соней, однако в электронике разбирался неплохо. Что он там делал с этими часами, Шуйски не знал, но, когда нужно, они стабильно опаздывали на две минуты.

– С огнем играете, ребята, – предупредил Фантоцци.

– Иди давай, пожарник, – ответил Броун. Он все еще был здорово напуган.

– Где проблемы? – спросил Шуйски, усаживаясь на рабочее место.

– Четвертый объект время от времени выбрасывает до семисот киловатт тепла, сволочь, – поделился Франц Пильзнер. – Все резервы пожирает.

– А остальные?

– Остальные в норме: двадцать – тридцать, не более... Ну мы пошли?

– Идите, – кивнул Броун, садясь на место второго оператора. Затем он поелозил ногами, покачался и стал крутить винты, перенастраивая кресло под свои габариты. – Ненавижу маленьких, после них все приходится переделывать...

– То же самое про тебя говорит Фантоцци, когда ему приходится возвращать кресло в прежнее состояние, – заметил Шуйски. – Ух ты, смотри, Лу, он опять начал...

– Кто «он»?

– Четвертый объект.

Кривая отвода тепла от четвертого объекта резко поползла вверх. Пока что автоматика сама справлялась с регулировкой, но кривая приближалась к критическим значениям, когда необходимо было переходить на ручное управление. Оператор открывал заслонку, и пары перегретого хладагента, не возвращаясь в теплообменник, выбрасывались за борт. Это был расточительный метод, зато очень эффективный.

– А эти трое – спокойные ребята, – заметил Броун, тыча пальцем в характеристики остальных объектов.

– Не трогай пальцем экран, Лу. Сколько раз я тебе говорил... После этого остаются жирные пятна...

– Ой, ну ладно, Нат, не ори, как будто я схватил тебя за задницу.

– А я и не ору.

– Орешь.

– Пошел вон.

– Сам пошел.

Напарники замолчали, и несколько минут было слышно только попискивание приборов да шелест самописца, заготавливающего копии графиков на бумажной ленте.

– Слушай, Лу, – первым пошел на мировую Шуйски.

– Ну...

– А почему ты называешь эти объекты «ребятами»?

– Не знаю, – пожал плечами Броун.

– А ты не думал, что это за объекты на самом деле?

– Едва ли это хорошая тема для разговора, Нат. Такие рассуждения не входят в наши обязанности.

– Да неужели тебе неинтересно, откуда берутся эти бесконечные выбросы тепла? – удивился Шуйски.

Броун вздохнул. Потом неожиданно улыбнулся и сказал:

– А ты спроси у Магнуса, он наверняка все знает.

– Не думаю... – возразил Шуйски. – Настоящих знающих на борту «геркулеса» человек пять, да еще десяток в штабе управления.

В этот момент дверь распахнулась, и на посту появился Магнус.

Нат и Лу тут же вскочили с мест, и старший агент остался доволен произведенным эффектом.

– Сэр, за время нашего дежурства... – начал было Шуйски, но Магнус остановил его жестом:

– Потом, дорогой, потом... Я пришел не для этого. Я пришел, чтобы сказать вам – ваши часы действительно опаздывали на минуту и пятьдесят восемь секунд. Так что вы меня не обманули. И это хорошо...

Магнус почти приветливо улыбнулся, чтобы дать возможность операторам расслабиться.

– Но на этом все хорошее заканчивается, дорогие мои. Я вызвал специалиста, мы проверили ваши часы, и оказалось... – Старший агент снова улыбнулся, едва сдерживаясь, чтобы не щелкнуть зубами. – И оказалось, что там скручены два проводка. Один беленький, другой красненький... Специалист сказал, что это очень остроумный ход, поскольку таким образом взаимонаводящиеся помехи замедляют сигнал...

Магнус сделал паузу, чтобы ужас поглубже проник во внутренности обоих обманщиков.

– Узнать, кто это сделал, не составляет труда, но, повторяю, такой задачи я не ставил. Главное, что вы меня не обманули – ваши часы действительно отставали... Так что работайте спокойно и в следующий раз не опаздывайте.

Магнус повернулся и вышел.

– О-ох... – выдохнул Броун и тяжело опустился в кресло.

Его примеру последовал Шуйски. И только сейчас он заметил, что кривая четвертого объекта пересекает критическую границу.

– Вот задница! – воскликнул Нат и ударил по аварийной кнопке. Где-то далеко открылся клапан, и перегретый хладагент вырвался в атмосферу. Кривая сразу поползла вниз.

– Это он специально провоцирует нас на ошибку, – сказал Броун, – чтобы нас отдали в отдел внутренних расследований...

– И все-таки там что-то живое, Лу, – неожиданно заявил Шуйски.

– Заткнись, Нат, прошу тебя – заткнись, – перейдя на шепот, сказал Броун и покосился на дверь. – И вообще, – продолжил он уже спокойнее, – это могут быть какие-то сошедшие с ума военные машины. У них, например, могло отказать управление, и теперь их реакторы понемногу выбрасывают тепло наружу.

– Зачем управлению прятать в пустыне какие-то поломавшиеся железяки, Лу? И потом, я чувствую, что это не машины...

– Как собака, что ли? – усмехнулся Броун.

– Не знаю. Наверное... – совершенно серьезно ответил Шуйски. – Это что-то живое, Лу.

6

Руководитель и автор проекта доктор Фонтен внимательно прочитал докладную агента Нильса, затем поднял глаза на бригадира специальной полиции Хаско, который отвечал за безопасность доставки:

– Как это понимать, майор? Откуда какой-то десантник мог получить эту информацию?

– Это для меня также неожиданно, сэр. Десантный транспорт прибыл сюда раньше нас. И после нашего прибытия с ними никто не контактировал... Возможно, это просто случайность.

– Возможно, что так... Совсем недавно все средства массовой информации были просто охвачены эпидемией, связанной с захоронением принца Циркуса. Однако агент Нильс в своей докладной записке особо отмечает, что этот десантник сообщил о канале получения информации...

– Мы разберемся с этим, сэр, – пообещал бригадир Хаско.

– Разберитесь, и побыстрее. Мы должны быть защищены от любых случайностей. У меня все. Идите.

Хаско четко развернулся и вышел строевым шагом. Когда за ним закрылась дверь, доктор Фонтен перевел взгляд на своего помощника и спросил:

– Что плохого скажете мне вы, Руцбанн?

– Ну почему же сразу «плохого», сэр?

– Да потому, что вы здесь, на «геркулесе», все будто сговорились. – Доктор вышел из-за стола и, подойдя к герметичному аквариуму, постучал по нему пальцем. Золотые рыбки испуганно метнулись в гущу искусственных водорослей, подняв со дна частички мусора.

«Как же в таких аквариумах меняют воду? – подумал Фонтен. – Может, их разбивают?»

– Сегодня утром я говорил с адмиралом, – сообщил доктор. – И мне пришлось его заверить, что все идет по плану, хотя это не так. Я уже вынужден врать и оправдываться, как школьник...

– Но кто же знал, сэр, что они настолько нестабильны? – попытался поддержать шефа Руцбанн.

– Я должен был знать, Фредди, я... Ведь, руководствуясь именно моей теорией, военное ведомство пошло на такой шаг. А теперь оказывается, что объекты нестабильны, а я этого не предвидел...

Фонтен вернулся к столу и сел, подперев руками голову.

– Что говорят строители?

– Просят еще двенадцать часов. Они утверждают, что бетонная пена раньше попросту не встанет. То есть не наберет свою прочность.

– А что говорят наши теплофизики?

– К сожалению, ничего утешительного. Ситуацию можно держать под контролем еще часов шесть. Максимум – восемь, а потом...

– Что будет потом, я знаю без вас, Руцбанн, – оборвал помощника доктор Фонтен. Он замолчал, и в кабинете воцарилась тишина.

Руцбанн вздохнул и от нечего делать стал рассматривать стены.

Вот картина Фейта-младшего. Похоже, что подлинник. Вот книжная полка, где среди других стоят три тома «Прикладной психокинетики», написанные самим доктором Фонтеном. А вот гвоздь, который вбили прямо в пластиковую облицовку. Раньше на нем что-то висело, а теперь гвоздь остался сам по себе.

– Так... – произнес наконец Фонтен и резко поднялся. – Пойдемте, Руцбанн, я хочу лично взглянуть на объекты...

– Вы хотите посетить криобоксы?

- Да, именно это я намерен сделать.
  - Едва ли это хорошая мысль, сэр. Ведь это небезопасно...
  - Если мы потеряем контроль над образцами, дорогой Фредди, наши жизни и гроша ломаного не будут стоять. Да и бедному Ганнибалу тоже не поздоровится...
- Делать было нечего, и Руцбанн пошел сопровождать шефа на технологический этаж. Там под многослойной теплоизоляционной защитой находился отсек термостатики.

7

При появлении доктора Фонтена бригада дежурных технологов поднялась со своих мест.

– Здравствуйте, сэр, – поприветствовал доктора старший инженер.

– Здравствуйте, Браун. Как у вас дела?

Технологи переглянулись, потом Браун решился заговорить первым:

– Ситуация критическая, сэр. Через четыре часа может наступить самоактивация четвертого объекта, а вслед за ним активизируются и остальные...

– Но ведь вначале говорили о шести и даже восьми часах... – опешил Фонтен.

– Увы, сэр, ситуация развивается совершенно непредсказуемо.

Доктор помолчал, затем скомандовал:

– Быстро оденьте меня. Я хочу взглянуть на объекты лично...

– В криобоксе температура понижена почти до абсолютного нуля, сэр, – напомнил старший инженер.

– А вы думаете, я об этом не знал? – с сарказмом в голосе спросил Фонтен. – Несите костюм, а вы, Руцбанн, можете оставаться здесь.

– Как скажете, сэр, – с облегчением выдохнул помощник.

Доктора Фонтена завели в небольшой тамбур, и один из технологов спросил:

– Какой номер, сэр?

– Прошлый раз был двенадцатый, но с тех пор, мне кажется, я немного похудел.

Помощники облачили Фонтена в негнувшийся костюм, пристегнули рукавицы, и до него донеслись их голоса, приглушенные защитной мембраной.

– Потренируйте дыхание, сэр. Датчики должны настроить систему регулировки.

Доктор послушно вздохнул. Воздух в регенерационной системе был немного кисловат на вкус.

«Наверное, много кислорода», – подумал Фонтен.

Рядом с ним появился старший инженер Браун. Он тоже был в термоизолирующем костюме, и его голос, усиленный радиопередатчиком, прозвучал неожиданно громко:

– Как самочувствие, сэр? Можем идти?

– Да, – утвердительно кивнул доктор Фонтен, однако шея в жестком панцире совершенно не гнулась, и доктор согнулся в пояснице. Получилось, как будто он отвесил Брауну поклон.

«Идиотизм какой-то», – подумал Фонтен. Он вообще не любил посещать криобоксы, а теперь к обычному страху примешивалось еще и раздражение.

Доктор проследовал за Брауном в выравнивающую камеру. Толстая дверь закрылась, отделив двух людей от живого мира циркулирующего тепла. Впереди ожидала только бездна абсолютного нуля – температуры, при которой замирала вся понятная человеку жизнь.

«Какое, в сущности, глупое заблуждение, – подумал Фонтен, стараясь отвлечься от интуитивных страхов, – ведь этот бред столетиями поддерживался самыми авторитетными учеными человечества... Эти склеротичные развалины навязывали миру догмы, порождаемые их увядающим разумом...»

Непонятно откуда появилась маленькая белесая мушка и уселась на стекло скафандра, прямо перед носом Фонтена. Это была еще одна из загадок. Белесые мушки ютились в выравнивающих камерах и прекрасно переносили сверхнизкие температуры. Пережив замораживание, они оттаивали и начинали плодиться. А если камера долго стояла теплой, мушки начинали вымирать.

Над дверью, ведущей в криобокс, загорелась синеватая диаграмма. Она показывала, как в переходной камере понижается температура.

На показании в два градуса по Кельвину сработал механизм открывания двери, и Фонтен вспомнил о мушке. Он скосил глаза на стекло скафандра и увидел насекомое на прежнем месте. Но едва доктор сделал движение, как, казалось бы, легчайшее создание камнем полетело вниз и наверняка разбилось на тысячи мельчайших осколков.

«Да, вот она – физика ледяного пространства», – подумал Фонтен и шагнул следом за инженером Брауном.

8

Увидев капсулы, доктор Фонтен невольно остановился. Сегодня он видел их по-другому. Сегодня он чувствовал реальную опасность, которая исходила от этих, неведомых миру, средоточий разрушительной энергии.

«Как я мог так ошибаться? Как мог я измерять реальную опасность абстрактными понятиями?» – задавал себе вопросы доктор Фонтен.

В его трудах все эти пугающие процессы имели вид стройных формул, совершенно не страшных и очень даже привлекательных. А теперь перед доктором Фонтеном была сама стихия, которая прямо сейчас рвала на себе пути вечного холода.

– Сэр, мы теряем время... – напомнил Браун.

– Да-да, конечно, – опомнился Фонтен и шагнул к капсулам. Он совсем забыл, что посещение криобокса вело к нарушению и без того хрупкого равновесия и сейчас системы охлаждения работали в форсированном режиме.

Вот объект «номер 2». Он ведет себя лучше других, но в тексте древнего заклинания сказано, что он самый старый и его коварство не сравнимо ни с чем.

А здесь покоится «номер 3». О нем в тексте сказано, что он иссушает мир смрадным поветрием.

«Номер 1». Он страшен своим огнем, но может быть умиловлен жертвой.

«Интересно, какой?» – подумал Фонтен.

А вот и самый «буйный» – «номер 4». Он самый нетерпеливый, как говорится в заклятии, и самый молодой. Он не ведает никаких ограничений, норм и правил. Он неистов и готов покорить весь мир.

«Выходит, текст заклятия не так уж и бессодержателен. Он скорее инструкция, чем просто художественное описание...» – начало доходить до Фонтена. Он подошел к «номеру 4» и нагнулся над верхней прозрачной панелью капсулы.

Там, за струящимися потоками ледяных кристаллов, едва проглядывались очертания объекта. Но он излучал невидимый ужас, который внезапно ощутил на себе доктор Фонтен.

«Что я наделал! Что я наделал! Безумец!..»

Воображение доктора нарисовало яркие картины, пришедшие к нему откуда-то извне. В этом Фонтен был абсолютно уверен. Столь подробные образы нельзя представить. Их можно было только вспомнить.

Доктор видел столкновения огромных армий, бронированных чудовищ, ползущих по земле и извергающих страшный огонь. Тысячи космических судов, словно стаи саранчи, сносящие с лица земли все живое и оставляющие после себя лишь спекшуюся, покрытую шрамами поверхность.

«Безумец... Я – безумец...»

Фонтен усилием воли заставил себя оторваться от созерцания неясных контуров обитателя капсулы. И хотя в боксе было всего два градуса по Кельвину – два маленьких шага, отделяющих от абсолютного ледяного покоя, Фонтену стало жарко. Жарко после тех картин, что он увидел.

– Уходим, сэр? – спросил старший инженер.

– Да, Браун, уходим...

9

Оказавшись в своем кабинете на привычном месте, Луи Фонтен с некоторой неловкостью вспоминал захлестнувшие его при посещении криобокса эмоции.

«Надо же, какая дрянь лезет в голову. И чего только я сам себе не нафантазировал?!» – удивлялся доктор.

– Фредди, найдите мне текст этого заклęcia.

– Заклęcia могилы Циркуса? – переспросил помощник.

– Ну да, – поморщился доктор. Он не любил, когда говорили о покойном Циркусе. Он предпочитал, когда могилу называли «местом первичного хранения».

– Вам нужен оригинал, сэр? Или сойдет копия?

– Копия мне не нужна. Копия есть у меня в компьютере. Мне нужен именно тот пожелтевший папирус или как его там называют археологи...

Руцбанн вышел в приемную и через несколько минут вернулся с заламинированным в пластик документом.

Доктор Фонтен нетерпеливо выхватил из рук помощника заклęcie и сразу впился в него глазами. Он интуитивно чувствовал, что выход может быть найден только в этом тексте.

«Ага, вот: „...металл приводит их в ярость напоминанием о войне...“ Вот она – главная фраза!»

– Руцбанн, немедленно ко мне капитана корабля! Я нашел ответ на наш вопрос!

– Да, сэр! – обрадовался помощник и пулей выскочил из кабинета.

«Итак, металл напоминает им о войне... – Доктор поудобнее развалился в кресле и вытянул ноги. – Металл напоминает о войне... А я, идиот, держу их на корабле рядом с металлической массой в восемь тысяч тонн. Понятно, что объекты нестабильны».

Через минуту вернулся Руцбанн, а с ним и запыхавшиеся капитан «геркулеса» Шиман, полицейский бригадир Хаско и старший инженер Браун.

Доктор отметил, что Руцбанн проявил разумную инициативу и пригласил всех, кто мог понадобиться.

– Господа, кажется, я нашел решение нашей проблемы. Объекты не выносят близости металла...

– О! – вырвалось у старшего инженера.

– Именно так, Браун. Поэтому нужно срочно выгружать их.

– Но хранилище еще не готово, сэр, – возразил бригадир Хаско.

– Не имеет значения. Браун, вспомните, какая температура была в «месте первичного хранения»?

– Всего лишь минус два по Цельсию...

– Вот то-то и оно. А сколько могут дать ваши переносные установки?

– До минус восьмидесяти по Цельсию.

– Вот вам и выход. Хаско, обеспечьте порядок и секретность.

– Есть, сэр!

– Капитан Шиман, выделите людей для разгрузки, а вы, Браун, разворачивайте мобильные криокомплексы.

– Но как решить вопрос с намораживанием, сэр?

– Это тоже просто. Капитан, у вас есть герметичные спасательные домики?

– Как и положено, сэр, в расчете на весь экипаж, – доложил капитан Шиман.

– Вот и отлично. Возьмете у капитана четыре домика, Браун. Еще вопросы, господа?

Вопросов не было.

– Тогда приступайте – время не ждет.

Когда подчиненные ушли, Рудбанн развел руками и елеиным голосом произнес:

- Не знаю, что бы мы делали без доктора Фонтена...
- Это лесть, Рудбанн? – самодовольно улыбаясь, спросил доктор.
- Какая же лесть, сэр? Истинная правда...

10

Час назад людям капитана Локвуда доставили горячий обед. После двенадцати часов в оцеплении это было очень важно. До этого десантники имели возможность есть только калорийные галеты. Да и те пополам с песком, а для горячего обеда был предоставлен небольшой фургончик, где можно было посидеть на стульях и даже снять шлем.

Настоящий суп в пластмассовых тарелочках солдаты восприняли как заказ из дорогого ресторана, хотя у себя на десантном транспорте получали такие обеды каждый день.

Чтобы не нарушать оцепление, солдаты обедали повзводно. И только когда последний десантник вернулся в цепь, дошла очередь до капитана Локвуда и его лейтенантов.

За стенами фургончика продолжала бесноваться песчаная буря, а внутри было тихо и тепло. Выходить обратно на ветер никому не хотелось, но Локвуд обязан был подать личный пример.

– Ну вы тут посидите еще пять минут, а потом отправляйтесь к взводам, – распорядился он и, вздохнув, первым покинул фургон.

Солдаты снова стояли в оцеплении. Ветер постепенно наметал возле их ног высокие кучи песка, и тогда неподвижно стоявшие фигуры оживали. Они утапывали песок толстыми подошвами и снова впадали в оцепенение.

«Приспособились», – подумал Локвуд.

Судя по тому, что прожектора на строительной площадке светили уже не так ярко, он понял, что наступил день. Неожиданно капитан вспомнил про пастуха, который теперь был уже далеко отсюда.

«Идет со своими овечками в родную деревню, где, наверное, нет песчаной бури...»

Капитан дошел до места, где они разговаривали с Веласкесом, и остановился.

Там, где ночью бульдозеры разгребали песок, уже высились пенобетонные конструкции. Строительство продвигалось быстро, но до завершения было еще далеко.

«Часов двенадцать еще держать оцепление – не меньше...» – прикинул Локвуд. Перспектива была не слишком приятная.

Стоявший на опорах «геркулес» парил сильнее обычного – видимо, криогенные машины корабля работали на пределе. Хладагента там не жалели.

Неожиданно транспортные ворота «геркулеса» открылись, и по трапу скатился грузовой вездеход. Он проехал пятьдесят метров и остановился, а выскочившие из него люди стали сбрасывать на песок какие-то тюки. За головами стоявших во втором оцеплении полицейских трудно было рассмотреть какие-то подробности, однако, когда один за другим стали подниматься надувные спасательные домики, все стало ясно.

Поначалу Локвуд подумал, что на «геркулесе» дела совсем плохи и экипаж будет эвакуироваться. Потом он вспомнил, что домики устанавливались только там, где внешняя среда непригодна для обитания человека. А на Ганнибале, несмотря на бурю и песок, жить было можно, хотя и тоскливо.

Домики были установлены и закреплены. Теперь персонал разматывал провода и шланги, но опять же из-за песка и полицейского оцепления рассмотреть все подробнее не представлялось возможным.

Пора было возвращаться и проверить десантников, но Локвуда разбирало любопытство, и он продолжал топтаться на месте, ожидая, что произойдет дальше.

Наконец в воротах «геркулеса» появилась грузовая платформа. Локвуду такие тележки были знакомы. Они держали до десяти тонн груза и при этом могли доставить налитый доверху стакан, не расплескав ни капли. Обычно на них подвозили боеприпасы, содержащие нестабильный кобальт, – там требовалась особая аккуратность.

Платформа медленно поплыла по трапу, неся на себе большой вытянутый ящик.

С обеих сторон ее сопровождали полицейские. Чем-то это напоминало торжественные похороны. Точно такую церемонию капитан Локвуд видел в Онтарио-Сити, когда хоронили маршала Петена.

Наконец платформа исчезла за домиками, и, что было дальше, Локвуд не видел. Он постоял еще немного, а потом направился к своему подразделению.

Капитан поминутно оглядывался, и его не покидало странное чувство необъяснимой тревоги.

11

Прошло два дня. Сезонная буря неожиданно стихла, и над пустыней Тамар впервые за два последних месяца выглянуло солнце.

В течение суток солдаты Локвуда отдыхали на своем десантном корабле, а затем снова заступили на вахту.

Вид высокого неба и далеких горизонтов казался им совершенно неправдоподобной картиной. Они еще помнили те двадцать часов непрерывного ветра и атак песчаных зарядов. А вот теперь прямо из песка начинали проклевываться зеленые росточки и цветы. Пустынная природа спешила воспользоваться благоприятными условиями короткого межсезонья.

Второго круга оцепления теперь не было. Полицейские исчезли вместе с «геркулесом», о пребывании которого на планете напоминали лишь ямы, вырытые стартовыми турбинами. Суда, привозившие строительную технику, тоже исчезли. Только несколько малых кораблей, персонал которых занимался работами внутри нового хранилища, еще находились на временных стоянках.

– Однако в такую погоду жить здесь можно, – заметил майор Вертински, подходя к Локвуду.

– Где, интересно, была эта погода, когда мы здесь куковали в темноте целые сутки, – покачал головой Гэс.

– Наверное, где-то над морем. Мы здесь глотали песок, а там было тихо, плескались рыбки и все такое...

– Ты прямо поэт, Марк, – улыбнулся Локвуд.

– Это точно – поэт в солдатских ботинках... Кстати, правда, что Веласкес на повышение пошел?

– Да нет. Перевели на новое место службы.

– С чего это вдруг? – поинтересовался Вертински.

– Вот уж не знаю... – пожал плечами Локвуд, рассматривая сооружение, которое так спешно возводили строители. Капитан вспомнил о продолговатом ящике на грузовой платформе и представил, как он стоит под толщей пенобетона где-нибудь в охлаждаемом склепе.

«Может, в этом ящике сам принц Циркус?» – предположил Гэс.

– Куда его перевели? Не на Парцих случайно? – продолжал выяснять майор.

– Нет. На Лив-Гертон какой-то...

– Лив-Гертон? О, как не повезло Веласкесу. Такая, я тебе скажу, дыра. У меня там знакомый служит на пункте связи.

– Вот и хорошо. Свяжемся через твоего друга с Веласкесом и узнаем, каково ему на новом месте.

По трапу десантного транспорта спустились два человека.

– Эй, Гэс, это не начальство там топает?

– Оно самое, полковники Симмонс и Зельдович. Пойдем к своим, а то не ровен час...

Как ни странно, полковник Зельдович принес неожиданный и в общем-то желанный приказ.

– Господа офицеры, через двадцать минут все солдаты должны находиться на корабле. Мы уходим с Ганнибала. И попрошу без вопросов – я на них все равно отвечать не буду. Все, выполняйте...

Когда десантники узнали о новом приказе, они не заставили себя долго ждать. Ясной погоде на Ганнибале никто не верил, и все ожидали новой бури.

12

«Геркулес» спокойно плыл по эллиптической орбите вокруг Ганнибала. К борту судна был пришвартован скоростной челнок с опознавательными знаками Области Руфим.

Недалеко от Ганнибала находился небольшой экспедиционный отряд, состоявший из авианесущего крейсера и трех судов ракетно-артиллерийской поддержки. Этот отряд выполнял охранные функции, сопровождая адмирала Леггойна на встречу с доктором Фонтеном.

Столь серьезные меры безопасности были приняты после того, как контрразведке СЕК стало известно о беспрецедентной активности соседних государств.

Предположение, что Область Руфим доберется до «секрета Циркуса», чрезвычайно взволновало соседей и заставило их задействовать все агентурные сети.

– Как добрались, адмирал? Какие новости? – вышел навстречу гостю доктор Фонтен. Выход из кризисной ситуации был найден, и доктор чувствовал себя победителем.

– Ну что вы, Луи, какие у нас новости? Все новости Руфима сосредоточены сейчас на этом судне. Как у вас дела?

Адмирал Леггойн был человеком невысокого роста с седыми волосами и хитрыми глазами. Он всегда был полон энергии и готовности к незамедлительным и решительным действиям.

Пол Леггойн первым поверил в теорию доктора Фонтена и сумел убедить остальных членов Военного совета в том, что теория Фонтена может принести государству ни с чем не сравнимые выгоды.

Доктор усадил гостя на диван, а Руцбанн быстро расставил на столе приготовленные закуски.

– Если я больше не нужен, сэр, я подожду в приемной, – предложил он, понимая, что третьему здесь не место.

– Да, Фредди, если будет нужно, я тебя позову, – кивнул доктор.

Когда помощник вышел, адмирал, сгорая от нетерпения, спросил:

– Ну что, Луи? Вам удалось их «успокоить»?

– Да, адмирал. Конечно же удалось. Правда, успокаивать, как вы изволили выразиться, пришлось только один из объектов. Остальные вели себя прилично.

Доктор говорил уверенно, и, глядя на него, уже нельзя было и предположить, что только сутки назад Фонтен был близок к панике.

– Теперь укрытие практически готово. Мы ведем работы по монтажу криогенного оборудования и строительству подземной части. Именно под землей мы и расположим нашу лабораторию.

– Ну что же... – Адмирал поиграл позолоченным портсигаром, но открывать его не стал. – Ганнибал – достаточно отдаленная планета, безо всяких туристических достопримечательностей. И это очень кстати, однако... Не будет ли бросаться в глаза весь этот комплекс, расположенный посреди пустыни?

– Я уже подумал об этом... Совсем недалеко от хранилища, может быть в двадцати или тридцати километрах, в недрах пустыни Тамар скрыты полезные ископаемые. То ли кобальт, то ли белая нефть – точно я не знаю. Но это уже является основанием, чтобы построить здесь городок геологов. И в этом же городке может жить наш персонал.

– Толковая мысль, – кивнул адмирал и достал из портсигара сигарету.

– Правда, еще мы нуждаемся в корабельном кладбище, – добавил доктор Фонтен.

– В корабельном кладбище? – Адмирал даже замер с зажженной зажигалкой.

– Именно... – Фонтен невольно улыбнулся. – Дело в том, что объекты заметно «фонят». Уровень позиционного излучения объектов слишком велик, поэтому нам необходимо клад-

бище старых военных кораблей, с которых не сняты энергетические установки. Это позволит объяснить столь высокий уровень излучения. Мы сможем найти десять, а лучше тридцать старых кораблей?

– Надо – значит, найдем тридцать кораблей... Найдем все, что нужно, доктор. Мы создадим все условия, лишь бы вы запустили хоть одного из этих роботов...

– Роботов?

– А как же их прикажете называть? «Злые духи»? – И адмирал не сдержал улыбки.

– Что ж, может быть, они и роботы, но роботы магические.

– Ох, – выдохнул дым Леггойн, – не люблю я этой мистики.

– Это не мистика, адмирал. Это – физика. Запредельная физика.

– За пределами чего она находится, эта физика? – уточнил адмирал.

– Увы, за пределами нашего понимания.

13

Низкие своды подземного хранилища выглядели так, будто их построили несколько веков назад. Фонтен понимал, что это только кажущийся эффект, но он ничего не мог с собой поделать. Потайные боксы нового хранилища действительно напоминали ему склеп принца Циркуса. Все здесь выглядело точно так же. Змеевидные потеки сырости, пятна желтоватой плесени и холод – совершенно естественный холод.

«Не хватает только маленькой таблички с заклитием», – подумал Фонтен.

К доктору тихо подошел старший инженер Браун:

– Сэр...

– Что? – отвлекся от своих мыслей Фонтен.

– Я только хотел сказать, сэр, что низкая температура поддерживается объектами самостоятельно...

– Что значит самостоятельно? – не понял доктор.

– Дело в том, сэр, что по сравнению с критической ситуацией на корабле все происходит с точностью до наоборот. Объекты поглощают тепло, и в боксах очень холодно. Как всегда, лидером выступает «номер 4». Возле его саркофага температура понизилась до минус сорока по Цельсию...

– Сегодня мы должны снять первичные показания с одного из них, Браун. Кого бы вы мне порекомендовали?

– Только не «четвертого», сэр.

– Может быть, «первого»?

Браун ничего не ответил. Он не мог поверить, что кто-то решится подойти к этим неизвестным существам в открытую, без защиты надежного охлаждающего слоя.

– Соберите-ка мне бригаду, Браун. Пусть будут два медика, вы с ассистентами и... Дюма и Гринсберг. Соберите всех этих людей в смотровом боксе и прикатите туда «номера первого»... В чем дело, Браун?

– Но, сэр... Дюма и Гринсберг умерли...

– Стоп, как же это я мог забыть... Действительно – они уже давно мертвы...

«Как же я мог забыть? Вот ведь как неловко вышло перед Брауном, теперь он, чего доброго, подумает, что я свихнулся...»

– Заработался, знаете ли. Конечно, пусть придут Лефлер и Чанг.

– Хорошо, сэр.

Браун ушел, а Фонтен опустился на стул и поежился. Здесь, на посту термоконтроля, было довольно прохладно. Возможно, объекты вытягивали тепло прямо сквозь большое смотровое окно.

Доктор покосился на дежурного оператора, который с подчеркнутым вниманием следил за показаниями приборов.

«Дурака валяет, шельма, – подумал доктор. – У парня с такой физиономией наверняка припасена бутылочка солдатского джина...»

– Как ваше имя, дежурный?

Оператор испуганно посмотрел на Фонтена и, вскочив на ноги, гаркнул:

– Тамп Флоренс, сэр!

– Послушайте, Тамп, у вас глоточка джина не найдется? А то здесь как-то прохладно.

– Как можно, сэр... Я ведь на посту...

– Ладно, Тамп, не жмитесь, неужели вам жалко глоточка дрянного джина для доктора Фонтена?

– Нет, сэр, не жалко.

Оператор пошарил в тумбочке и достал уже ополовиненную бутылку без этикетки.

– Пожалуйста, сэр. Только стакан у меня – того... Грязный...

– Ничего, давай какой есть, – махнул рукой Фонтен. Он еще раз взглянул через окно на саркофаги, и новый приступ крупной дрожи начал сотрясать его тело.

Пока Тамп Флоренс вытряхивал из стакана не то крошки, не то дохлых насекомых, доктор Фонтен запрокинул бутылку и сделал из горлышка два больших глотка.

– Вы уже обошлись, сэр? – подошел со стаканом дежурный.

– Да... Спасибо, Флоренс... – Доктор вернул бутылку. – Это было незабываемо...

Он еще раз взглянул внутрь бокса, и ему показалось, что он увидел тень. Да, это была движущаяся тень. Фонтен даже поднялся со стула, думая, что кто-то из сотрудников вошел в бокс, но там никого не было. Опутанные трубками и проводами саркофаги были закрыты, и их крышки держались на мощных винтах.

На посту появился Браун:

– Все уже в сборе, сэр. Выкатывать «первого номера»?

– Да, Браун, идемте. – Фонтен поднялся со стула и, проходя мимо Флоренса, заговорщически ему подмигнул. Тот расплылся в довольной улыбке – как же, угостил самого Луи Фонтена.

«А вот с Дюма и Гринсбергом я, конечно, дал маху», – подумал доктор. Он вспомнил, как тогда, под сумрачными сводами склепа, эти двое, подбадривая себя шуточками, вскрыли печать заклания.

Они еще пошутили, что делят ответственность пополам. Как оказалось, смеялись они зря – смерть их была страшной.

Медики ничего не смогли поделать – заболевание было неизвестным. Вскрытие тоже не дало никакого результата. Пролежав одну ночь в морге, трупы изменились так, будто несколько месяцев провалялись в болоте.

Это были неприятные воспоминания, и Фонтен постарался переключиться. Он думал то о деньгах, то об оставленной кафедре в университете, то о женщинах – ведь он был еще не так стар. Но как Луи Фонтен ни старался, его мысли возвращались к опасности и уже понесенным потерям.

«Что будет, если из-за моего неумения объекты сумеют активизироваться? – задавал себе вопрос доктор Фонтен. – С другой стороны, принц Циркус умел держать своих кровожадных псов в повиновении. Так неужели я, доктор наук, профессор, создатель теории психокинематики, не сумею разобраться в том, что знал полуграмотный Циркус?..»

Фонтен намеренно накручивал себя, чтобы обрести все чаще ускользавшую от него уверенность.

Наконец они с Брауном вышли в ярко освещенное помещение, где уже ожидала исследовательская бригада. Все были одеты в защитные комбинезоны и напоминали группу поху-девших пингвинов.

– Здравствуйте, господа, – приветливо поздоровался доктор Фонтен.

– Здравствуйте, сэр, – ответили ему, впрочем без особого энтузиазма. Эти люди просто боялись. И особенно боялись биологи – Лефлер и Чанг, ведь они хорошо знали погибших Дюма и Гринсберга.

Двое ассистентов из команды технологов инженера Брауна помогли Фонтену надеть защитный комбинезон. Затем в абсолютной тишине в комнату вкатили саркофаг с «номером первым».

Все участники тотчас опустили защитные маски и приготовились к работе.

«Вот и хорошо, а то стоят такие бледненькие, потерянные – смотреть противно», – подумал Фонтен.

Технологи начали освобождать крышку – всего двенадцать болтов. Один болт, второй, третий – все меньше преград отделяло «номера первого» от мира живых людей. Все это чувствовали, все это понимали. Первобытный, интуитивный страх рождался из ниоткуда и настойчиво полз по позвоночнику холодной змейкой.

Последний крепежный болт скользнул в руку ассистента, и инженер Браун посмотрел в сторону Фонтена. Тот кивнул, не колеблясь ни секунды, опасаясь, что, промедли он еще немного, и у него не хватит духу отдать это распоряжение.

Крышка отошла в сторону, и взорам бригады предстало то, что они привычно называли объектом «номер один».

Медики сразу расслабились – уж им-то не нужно было объяснять, что мумифицированный труп уже не опасен.

– Откуда брать образец ткани, сэр? – спросил Браун.

– Берите откуда хотите – это не принципиально, – ответил доктор.

Медики стали брать образцы, а биологи ватными тампонами снимали пыль, надеясь найти те самые болезнетворные бактерии или вирусы, которые убили их товарищей.

– Температура? – спросил Фонтен.

– Стабильная, сэр, – ответил один из технологов, – плюс четыре по Цельсию.

«Подумать только – и откуда в этих иссохшихся костях могло зародиться то количество тепла, которое ставило корабельные криоустановки на грань разрушения...» – размышлял Фонтен. Внешний вид мумии внушал уже не страх, а, скорее, брезгливость и жалость. Да, именно жалость. Самому доктору Фонтену не хотелось, чтобы когда-нибудь кто-то вот так же рассматривал его прах, словно он был дохлой кошкой.

«Он страшен своим огнем...» – вспомнил Фонтен слова из заклęcia, относящиеся к «номеру первому».

«Страшен огнем...» – пронеслось в голове еще раз, и в эту самую минуту он услышал страшный крик. Это кричал один из медиков – Лендл Хоук. От его страшного крика Лефлер и Чанг упали в обморок.

Вслед за ними едва не лишился чувств один из технологов, но он устоял, ухватившись за край саркофага.

– Закрывайте крышку! – скомандовал Фонтен и склонился над потерпевшим медиком.

Когда с Хоука сняли защитный костюм, стало ясно, почему он так кричал. Его левая рука до самого локтя была практически обуглена.

– Мама родная, что же это такое? – ужаснулся Браун.

– А что наши биологи? Что с ними? – забеспокоился Фонтен.

Ассистенты Брауна бросились к Лефлеру и Чангу. Сорвав с них маски, они не смогли сдержать испуганных возгласов. Лица обоих биологов были обуглены так же, как и рука Лендла Хоука.

Когда с них сняли защитные костюмы, стало ясно, что они сгорели полностью. Не пострадала только их одежда, как будто кто-то выжег тела изнутри.

Фонтен снял маску и принялся – после такого массового сожжения человеческой плоти должен был остаться характерный запах, но в воздухе пахло только сырой штукатуркой.

«Он страшен своим огнем, но может быть умиловлен жертвой...» – снова вспомнил Луи Фонтен.

– Примите меры, Браун. Пусть унесут тела, вернее, то, что от них осталось. Хоука немедленно в медицинский бокс – возможно, удастся регенерировать его руку.

– А это? – Браун указал на саркофаг.

– Пусть пока останется. Я думаю, он насытился и какое-то время будет не опасен... Если хотите, можете идти, я останусь один...

– Нет, сэр, – после некоторого раздумья произнес Браун. – Я останусь с вами...

Появилась вызванная технологами спасательная команда. Раненого и останки двух биологов вынесли на носилках, а затем Фонтен настоял, чтобы все, кроме Брауна, тоже покинули помещение.

– Они слишком боятся, – пояснил доктор, когда дверь закрылась. – А он это чувствует, – кивнул Фонтен в сторону саркофага.

– Зачем он это сделал? – спросил Браун.

– Не знаю. Но думаю, что он это сделал не просто так... – Фонтен снял маску и капюшон. – Так удобнее, – пояснил он старшему инженеру, – тем более что защиты от него, как видите, нет.

– Так почему же он это сделал? – повторил вопрос Браун.

– Человек, испытывающий страх, в большом количестве излучает некий жизненный ресурс. Во многих культах этот ресурс называется по-разному. Так вот, именно на эти уже существующие источники жизненной энергии и среагировал «номер первый»... Он просто «потянул» их – заставил перетекать потоки интенсивнее... Поэтому тела сгорели, а дыма и даже запаха мы не ощутили... Мало того, дорогой Браун, если бы здесь был только один человек, этот монстр не оставил бы нам даже обугленного трупа – только пустой комбинезон. Так-то...

Браун стоял, ошарашенно глядя на философствующего доктора Фонтена – человека, в присутствии которого несколько минут назад два человека погибли и один потерял руку.

– Давайте же взглянем на «номера первого» еще раз, и вы увидите, как он распорядился тем, чего лишил наших бедных коллег... – С этими словами доктор взялся за рычаг и легко сдвинул крышку саркофага.

– Вот, полюбуйтесь, дорогой Браун, – самодовольно улыбнулся Фонтен.

Старший инженер осторожно приблизился и заглянул через край саркофага. Увиденное поразило его: на месте бывшей кучи мусора лежало хорошо пробальзамированное тело.

– То-то же, – усмехнулся Луи Фонтен, – а вы небось тоже полагали, что психокинетика – это лженаука...

– Но... но как, сэр? Как все это могло произойти?

– Как? Я и сам не знаю... Уравнение теоретического баланса я, конечно, вывел, но, как это происходит на самом деле, признаюсь вам, Браун, я до сих пор не знаю... Единственное, что я могу утверждать наверняка, так это то, что здесь имеет место передача некой информативной матрицы. Другими словами, информационного поля...

– То есть вы хотите сказать...

– Да, Браун, я говорю совершенно крамольные вещи. Вещество, масса или материя не передаются в некоем геометрическом направлении, они лишь появляются «из ничего» там, где на это имеются условия. А условия – это и есть информационное поле... «Номер первый» скопировал информационное поле, но сделал его более сильным, чем у его жертв, и тогда материя тел наших бедных коллег перешла к нему. А Лефлер и Чанг остались с одними только головешками.

– Это странно и одновременно очень страшно, сэр.

– Я вас понимаю, Браун. Но наука – это не только старые конспекты с пожелтевшими страницами или самодовольные старички с академическими бородками. Настоящая наука начинается там, где умирает идеология, а пока вся наша наука держится только на пропаганде «научности». Стоит убрать пропаганду – и весь этот карточный домик рассыплется. Только тогда, дорогой Браун, психокинетику перестанут называть лженаукой.

«Кажется, я устроил тут целый митинг...» – спохватился доктор Фонтен. Он посмотрел на подновленную мумию и сказал:

– Зовите ассистентов, Браун. Пусть закрывают ящик...

14

Сказать по правде, Джим Форш не любил бывать в Новом Востоке. Уж больно ему не нравились лица граждан империи, через одного имевшие чин фельдфебеля. Военная служба была возведена здесь в культ, и человек, не отличавшийся «взвод» от «развода», считался инвалидом.

Джим не любил бывать в Новом Востоке, но именно здесь в избытке водилось неучтенное оружие и на него, словно мухи, слетались разные криминальные личности. Эти самые личности и являлись для Джима Форша хлебом насущным, его заработком, привычным занятием, ибо он был свободным охотником за головами.

В данный момент Форш двигался по оживленной улице Саидбурга, третьего по величине города на планете Аль-Хейд, и просеивал глазами прохожих. Люди проходили разные – с открытыми, приветливыми, противными лицами, но пока среди них не было того, кто был так необходим Джиму Форшу.

Дорогие машины в модной камуфляжной раскраске сигналили нетерпеливым пешеходам. Витрины слепили солнечными бликами, а Джим все шел и шел, стараясь не думать о возможной неудаче.

Но неудачи быть не могло, поскольку Джим лично расшифровал переговоры некоего Бен-Али, договорившегося о встрече с человеком, за которым команда Джима охотилась уже целых две недели.

И вот удача улыбнулась.

Быть может, кто-то другой, увидев физиономию Нэта Кранга по кличке Горилла, постарался бы перейти на другую сторону улицы, но только не Джим. Он испытал такую искреннюю радость, словно Горилла-Кранг был его близким и горячо любимым родственником.

– Бобби, вижу «голубчика», – сообщил Джим по радио одному из членов своей команды. Передатчик находился на запястье, и приходилось делать вид, что смотришь на часы.

– Чего? – отозвался Бобби.

– Я тебя прибую, гад. Ты чем там занимаешься?

– Да уж не «голубчиков» ищу... Постой, что ты имел в виду?

– То, что я вижу объект...

Джим не договорил, увидев в двух шагах от себя самого Гориллу-Кранга, который смотрел прямо на него.

– Часы, что ль, сломались? – спросил Нэт.

– Да, приятель, – улыбнулся Джим.

– Сейчас половина второго...

– Спасибо, друг, – поблагодарил Джим и опустил руку с «часами».

Кранг пошел дальше и вскоре скрылся в дверях бара «Цапля».

– Бобби, двигай к «Цапле», а то я уже нарисовался. Он меня узнает.

– Иду, – отозвался Боб Реслер и вскоре прошел мимо Джима, чувствительно задев его локтем.

Реслер вошел в бар и сразу заметил мощную фигуру Нэта Кранга. Кранг занял очень хорошую позицию и видел каждого входящего в «Цаплю» посетителя, поэтому Бобу пришлось играть завсегдатая.

Он плюхнулся на высокий стул возле стойки и небрежно бросил:

– Давай как обычно, друг...

Бармен, не говоря ни слова, налил двойную порцию «блосс-коун», самого дорогого напитка, который был в баре.

Реслер благодарно кивнул и сделал глоток «золотой» выпивки. Потом с видом скучающего человека окинул взглядом зал.

В бар вошел еще один посетитель – невысокий человек в пиджаке, стилизованном под военный френч. Сразу определив, кто ему нужен, он не спеша двинулся к столику Гориллы-Кранга.

Понимая, что именно сейчас начнутся переговоры, Бобби сполз со стула и, выбрав подходящее место, занял пустовавший стол. Кранг и его сообщник уже о чем-то разговаривали, и Боб, достав пачку «Блонди», вытащил сигарету – ту, в которую был вмонтирован направленный микрофон.

Реслер расположил сигарету на краю пепельницы, и вскоре на ней замигал крохотный индикатор, показывающий, что запись включена. О том, что Кранг обсуждал очередную сделку на покупку оружия, Боб знал и без подслушивания, но его интересовал только маршрут, по которому тот собирался отправиться. Задерживать Кранга на территории Нового Востока было нельзя – тогда пришлось бы отдать его в руки полиции и лишиться положенного вознаграждения. А вознаграждение за Кранга было немалым – триста тысяч.

Обычно команда Джима Форша вела за очередной головой слежку и где-нибудь в нейтральном космосе брала на бордаж его судно. А уже потом голову доставляли заказчикам. В случае с Гориллой-Крангом заказчиком выступала администрация одной из планет Ученого Дома.

– Эй, парнишка, у тебя что, зажигалка сломалась? – неожиданно навис над Реслером Нэт Кранг.

– Что?

– Я гляжу, у тебя сигаретка не горит, – пояснил Кранг и щелкнул своей зажигалкой.

Делать было нечего. Бобби взял начиненную не только табаком сигарету и, прикурив от зажигалки Кранга, поблагодарил:

– Спасибо, друг.

– На здоровье, приятель.

«Я тебе это припомню, скотина...» – мысленно пообещал Бобби, вдыхая дым горячей изоляции тонких проводков. От вонючего дыма першило в горле, а перед глазами вспыхивали яркие фонарики.

«Как на Новый год, – подумал Реслер и закашлялся. – Хрен с ними, с проводами, лишь бы чип уцелел».

– Эй, никто ничего не замечает? – громко спросил бармен.

– А что такое? – спросил кто-то.

– Да провода где-то горят. Не чувствуете?

– Наверное, замыкание, – предположил Кранг и снова вернулся к прерванной беседе.

Бобби осторожно потушил сигарету и спрятал окурочек в карман. Затем подошел к стойке и расплатился за выпивку, небрежно бросив бармену свою недельную зарплату.

– Ну, будь здоров, земляк, – сказал он и покинул бар, довольно улыбаясь, хотя во рту оставался противный резиновый привкус.

Едва Реслер отошел от двери на десяток метров, как его догнал Джим.

– Ну что?

– Да вот... – Боб достал из кармана злополучный окурочек. – Нужно срочно проверить чип, может, хоть что-то осталось.

Уже на борту «Тритона» – судна охотников – Орландо Кальвин целых полчаса возился с пострадавшим чипом, но все же сумел вытащить из него почти все.

Как оказалось, никаких конкретных сведений запись не содержала. Сообщники говорили о партиях оружия, ценах, скидках и так далее. Только один раз сообщник Кранга сказал, что за

два дня сумеет собрать и доставить товар на «Манилу» – судно Нэта Кранга. И это означало, что до этого срока Кранг никуда не денется.

- А где сейчас «Манила», Орландо? – уточнил Джим Форш.
- Пока в ремонтном доке в порту «Северный».
- Ну что же, будем ждать.

15

Отметившись на последнем диспетчерском спутнике, капитан «Манилы» Поль Дрезден положил судно на основной курс.

Убедившись, что корабль устойчиво идет по заданному направлению, Поль откинулся в кресле и, обернувшись к помощнику, Фрейну Террасо, предложил:

– А не выпить ли нам чайку с конфетами?

Это была коронная фраза капитана, когда он хотел выпить чаю, кофе, пива или чего-нибудь покрепче.

Иногда под этой фразой подразумевалась встреча с женщиной, но такое случалось только в портах, хотя на «Маниле» женщины тоже были. Правда, принадлежали они хозяину – Нэту Крангу, и понятно, что покушение на его собственность могло привести к весьма предсказуемым последствиям.

– Так я не понял, сэр, какой чай вы имели в виду?

– А пострелять по тарелочкам... – неожиданно предложил Поль Дрезден.

– Опять бить в коридоре светильники из духового ружья? – Помощник капитана помнил, как в прошлый раз хозяин сломал капитану два ребра за такие вот шуточки.

– Нет, это уже было, – махнул рукой Дрезден. – Мы выбросим за борт ложный контур и расстреляем его из автоматической пушки.

– Как скажете, босс, – пожал плечами Террасо, понимая, что и эта выходка капитана не пройдет для него безнаказанно.

«Мазохист», – подумал помощник, берясь за рычаг сброса контура.

– Я готов, сэр.

– Сброс контура! – скомандовал капитан Дрезден.

– Есть «сброс контура». – Помощник рванул рычаг, и тончайшая металлическая оболочка, повторяющая силуэт «Манилы», была выброшена в космос. Через несколько секунд она развернулась и стала похожа на настоящее судно.

Капитан пересел на другое место и взялся за управление пушкой. Он тщательно прицелился и открыл огонь. Первая же длинная очередь разнесла тончайшую оболочку в клочки.

– Учись, Фрейн, пока жив капитан Дрезден!

– Да, сэр, – согласился помощник, ожидая прихода хозяина.

И Горилла-Кранг не заставил себя долго ждать. Распахнулась дверь, и в сопровождении двух своих пассий – Кисси и Грэйс – он появился в капитанской рубке.

– Кто стрелял? – строго спросил Нэт, поглаживая Кисси по попке.

– О, это я, – приветливо помахал рукой Поль Дрезден. – Стрельба по тарелочкам – лучший спорт...

– А ты знаешь, Поль, сколько стоит один ложный контур?

– Ну что ты, Нэт, какие счета между старыми друзьями? – Капитан кривлялся так, что не мог не вызвать гнева хозяина. Дрезден любил, когда его били.

Кранг тоже был не прочь въехать кому-нибудь в морду, но Дрезден именно этого и хотел, а бить такого человека было неинтересно.

Но порядок есть порядок, и, схватив Поля за шиворот, Кранг потащил его «на разделку». Кисси и Грэйс, хихикая и предчувствуя спектакль, побежали следом.

Проводив процессию взглядом, Фрейн Террасо переместился на капитанское кресло и, пошарив в тумбочке, вытащил пачку соленых палочек. Это было любимое лакомство капитана Дрездена, но сейчас никто не мог помешать Фрейну чувствовать себя капитаном «Манилы».

«Эх, мне бы побольше образования, я бы и сам стал капитаном», – подумал Террасо, вытягивая ноги и хрустя солеными палочками.

«Да я бы и сейчас справился, – продолжал фантазировать помощник, – курс прокладывать я умею, навигацию немного знаю, знаки... Нет, со знаками у меня слабовато...»

Поймав метку, пискнул радар. Фрейн посмотрел на экран – какой-то корабль шел по следу «Манилы». Следовало доложить капитану, но тот, по понятным причинам, отсутствовал. Хозяин тоже был занят.

Террасо решил подождать еще немного, а потом уже доложить. Уж больно ему не хотелось, чтобы Кранг прерывал избиение капитана Дрездена.

«Это потому, что я злой... – рассудил помощник. – Я злой, я эгоист, и я хочу быть капитаном...»

По приборной панели пробежал черный таракан. Террасо шлепнул по нему пятерней и случайно попал по кнопке пожарной сирены.

Тревожные трели разнеслись по всему судну, и экипаж, срывая огнетушители, заметался по отсекам, выискивая очаг возгорания.

Террасо изо всех сил пытался выдернуть заклинившую кнопку, но она выскальзывала и продолжала посылать сигналы, грозившие помощнику непременной расправой.

– Эй ты, Террасо, что случилось? – В капитанскую рубку вбежал Роберто Мантилья – правая рука хозяина. Мантилья был опасным парнем и всегда носил с собой нож.

– Нас преследуют, Роби! Наверное, это полиция! – нашелся Террасо.

– А зачем ты включил пожарную сирену?

– Другого выхода просто не было – капитана нет, хозяина нет...

Мантилья подошел к радару, посмотрел на увеличившуюся метку и, отдав Террасо мешавший огнетушитель, сказал:

– На, карауль инвентарь, я хозяину сам скажу.

16

Мантилья застал Кранга за избиением капитана Дрездена. Это происходило в грузовом трюме, между ящиками с контрабандным вооружением.

После каждого удара Поль Дрезден вскрикивал, но в его голосе сквозило явное удовлетворение – его били, и это было прекрасно.

– Прошу прощения, босс, но у нас проблемы... – сказал Мантилья.

Он произнес это так неожиданно, что Кранг вздрогнул, и его удар пришелся не по ребрам Поля Дрездена, а по деревянному ящику.

– Ой, Нэтти поранился! – запричитала Кисси.

– Нэтти повредил руку! – подхватила Грэйс.

– Заткнитесь обе... – приказал Кранг, и девушки замолчали. – В чем дело, Роберто? – спросил хозяин, прикладывая к руке носовой платок.

– За нами кто-то гонится, босс.

– Гонятся? А мне показалось, что я слышал пожарную сирену.

– Сирену включил Террасо...

– Ох уж мне эти водилы... – покачал головой Горилла-Кранг. – Убью обоих... Собирай людей, Роби, может, это действительно погоня...

Мантилья выскочил из трюма и побежал в жилые помещения, выкрикивая на бегу:

– Готовность номер один! Всем на палубу!

– Что такое, Роби? – высунулся из машинного отделения вечно пьяный механик Линден Дриблер.

– Спи спокойно, Линди, тебя это не касается...

Вскоре в коридор уже начали выбегать бойцы группы прикрытия. Их было сорок три человека, и при поддержке двух штурмовых роботов они составляли большую силу.

– Так, первое отделение – сюда, второе – к борту, третье и четвертое – в резерве... – командовал Мантилья, расставляя людей на случай abordaжа.

Цокая по палубе тяжелыми конечностями, из ниш вышли два робота «К-45». Это были хорошие машины, почти никогда не путавшие своих с чужими. Если удавалось пропихнуть такую машину на судно противника, в победе можно было не сомневаться.

На палубе показался Нэт Кранг. Окинув взглядом подготовившихся к обороне солдат, он кивнул и спросил:

– Мантилья, кто у нас на пушках?

– Пока Террасо...

– Ладно, я сам заменяю его. А ты давай держи палубу и будь со мной на связи.

– Кто же это может быть, босс?

– Не знаю, – пожал плечами Кранг. – С Флиндером у нас мир, Шустрого Геринга взяла полиция... Не знаю, Роби, не знаю.

17

«Тритон» стремительно нагонял неповоротливую «Манилу», стараясь зайти снизу, чтобы не попасть под пушечный огонь. Судно Нэта Кранга шло ровно и не собиралось маневрировать – следовательно, там готовились к обороне.

Орландо Кальвин сидел за штурвалом и внимательно следил за показанием дальномера. Чтобы подвести «Тритон» к нужному месту, нужны были ювелирная точность и правильный расчет.

– Ну что там, Орландо? – заглянул в кабину Форш. Он был в броне и при оружии.

– Все путем... Через пять минут будет контакт, – не отрываясь от показаний приборов, ответил Кальвин. – Уйди, Джим, ты мне мешаешь...

Форш вернулся к своей команде, которая вместе с ним и устаревшим роботом «Скаут» собиралась штурмовать неприятельский борт.

– Как наш танк, Ник? – спросил Джим у Дилонги, отвечавшего за наладку единственной боевой машины.

– Ты хочешь знать, не начнет ли он стрелять по своим, как в прошлый раз?

– Да, признаться, это беспокоит меня больше всего. Ведь он выкосил у нас пятерых, и только чудом никто из них не был убит...

– Что ты хочешь, Джим? «Скаут» – это позиционная машина: все, что впереди него, он считает врагами.

– Но ты обещал, что введешь ему новую программу, – напомнил Бобби Реслер, загоняя в гранатомет осколочную гранату.

– Я сделал все, что мог, но «Скаут» – это вам не «К-45». Все его программируемое «железо» давно устарело...

– Ладно, хватит. А то наши парни приуныли от таких разговоров, – сказал Джим и, подойдя к новичкам, спросил:

– Ну что, ребята, страшновато?

– Ничего, сэр, мы справимся, – ответил за всех пятерых черноглазый Рональдо.

– Ну и хорошо. Пока будете держаться за нашими спинами... Думаю, большего не потребуется...

На самом деле Джим лгал. Ему, увы, слишком часто приходилось набирать новых солдат. Возможность выбора имела: голодные шахтеры с опустошенных сырьевых планет были готовы на любую работу.

Из пяти новичков после первого abordaja обычно выходили невредимыми двое, а остальные, в лучшем случае, с ранениями. Получив свои первые деньги, они просили их отпустить – и Джим отпускал. Он знал, что не каждый может стать солдатом.

Когда-то новичком был и он сам, а потом и Дилонги, Реслер, Кальвин, Шериф, Паризи... Эти шесть человек собирались в команду на протяжении нескольких лет. И на каждого «старичка» приходилось по тридцать погибших и сбежавших после одного боя.

Джим вспомнил первого владельца «Тритона», который имел очень странное имя – Князь Вараскин. Он тоже был охотником за головами и обучил этому делу Джима.

Очень долго они работали вместе, но как-то раз команда попала в засаду, и в Князя угодила граната. С тех пор весь бизнес перешел к Джиму.

Судно резко пошло вниз, и вся команда ухватилась за стены.

– И зачем он это делает? – не выдержал Реслер.

– Орландо утверждает, что так он щекочет им нервы, – пояснил Паризи. – И им и нам немножко...

Причину резких маневров «Тритона» Джим знал. Орландо Кальвин всегда начинал такой танец возле судна противника, чтобы там не могли определить точное место швартовки.

«Пуškai побегают от борта к борту, пушкой покрутят. А то они сидят и ждут, когда мы под их стволы выскочим...» – так объяснял свои действия Кальвин, и Джим ему вполне доверял.

18

Судно-преследователь выскочило справа, и Кранг моментально развернул туда пушку. Он выстрелил не целясь, однако вражеский корабль успел нырнуть вниз.

Кранг схватил микрофон и объявил:

– Внимание, Роби, они пошли под «брюхо». Могут полезть в демпферную камеру!

– Понял, босс. Я отправлю туда десять человек.

Чужое судно появилось слева и двинулось к борту «Манилы», всем своим видом показывая, что идет на швартовку. На его бортовых захватах сверкнули новенькие магниты.

– Мантилья, они идут слева! – проорал в микрофон Кранг и, развернув пушку, дал длинную очередь, но противник опять успел уйти вниз.

Ведомая автопилотом, «Манила» продолжала идти прямо по курсу, представляя идеальные условия для маневров противника.

– Террасо! За штурвал! – крикнул Горилла-Кранг, и Фрейн моментально выполнил приказ босса.

– Отключай автопилот и переходи на ручное управление!

Кранг снова нажал на гашетки, и наверху, в артиллерийской башне, бешено застрекотал механизм подачи.

– Вот сволочь изворотливая! – с досадой прокричал босс. – Ты готов, Террасо?

– Да, сэр, – ответил Фрейн, сжимая штурвал вспотевшими руками.

– Как только я скамандую, делаешь резкий поворот.

– В какую сторону, сэр?

– В какую скажу...

«Лишь бы не перепутать... О, лишь бы не перепутать...» – пронеслось в голове Террасо, который постоянно путал право и лево.

– Приготовься, Террасо! – предупредил Кранг, видя, что противник снова пытается зайти с левого борта.

«Лишь бы не перепутать! Лишь бы не перепутать!...» – сигналил воспаленный мозг Фрейна Террасо.

– Внимание! Левый поворот! – заорал Кранг, и помощник капитана судорожно дернул штурвал.

Корабль пошел на разворот, но разволновавшемуся Террасо казалось, что «Манила» не слушается управления. В порыве отчаяния, чтобы как-то расшевелить неподдающееся судно, помощник до отказа повернул штурвал. «Манила» задрожала всей своей массой и начала вращаться вокруг своей оси.

Центробежная сила выбросила Кранга из кресла, и он врезался головой в приборную панель, а Террасо сильно ударился о штурвал. Спустя мгновение, вышибив входную дверь, в капитанскую рубку влетел «К-45». Робот снес стойку с радарными экранами и остановился, кое-как удержав равновесие.

От перегрузки сработала система автоматической регулировки, и автопилот взял управление в свои руки.

«Манила» замедлила вращение, а «К-45» вздрогнул и, словно проснувшись, прогнуса-вил:

– Обнаружен нарушитель... Немедленно сообщите пароль... – И машина с лязгом шагнула к Террасо. – Немедленно назовите пароль...

– Я... я... – Фрейн пучил глаза и не знал, что от него требует этот страшный металлический монстр.

– У вас три секунды. Раз... Два... Три... – «К-45» закончил отсчет, и пулеметная очередь рассекла тело помощника надвое. Останки рухнули на пол, а робот продолжил работу.

– Обнаружен нарушитель... Немедленно сообщите пароль... – снова произнес он и повернулся к Крангу. – Немедленно назовите пароль... У вас три секунды...

– Э-это, подожди... «Гусь»? Нет. «Тетерка»!

– Раз... – начал отсчет робот.

– Стой, я сейчас вспомню... – На лбу Кранга выступили крупные капли. Пот больно жег полученные ссадины, однако Нэт этого не замечал.

– Два... – сообщил робот.

– «Глухарь»!!! «Глухарь»!!! – что есть силы заорал Кранг, боясь, что глупая железяка не расслышит пароля.

– Благодарю вас... По показаниям голосового модулятора вы определены как Нэт Кранг... Жду ваших приказаний, сэр...

– А пошел ты в задницу! – зло бросил Кранг.

– В банке данных такой команды нет... Добавить команду?

– Не нужно... Возвращайся к Мантилье...

Дробя опорами осколки экранов, робот покинул рубку, и только тогда Кранг вспомнил о преследователе.

«Манила» все еще вращалась, но уже не так сильно, как прежде. Чужой корабль промелькнул в иллюминаторе пару раз, и было ясно, что пока он опасается приближаться к «Маниле».

– Ни хрена себе форточка! – услышал за своей спиной Кранг. Это был механик Линден Дриблер, и он, как всегда, был пьян. – Что здесь случилось, босс? Где дверь?

– Ты чего пришел? – не поворачиваясь, бросил Кранг.

– Так это... два гироскопа накрылись... Только один и уцелел.

– Что там у Роберто? – Кранг поймал появившегося противника в прицел и дал короткую очередь. Пара снарядов успела впиться в бок преследователя.

– Ага, гаденыш! – возликовал Кранг, и в этот момент появился сам Мантилья.

– Трех ребят задавил робот, сэр, – пожаловался он боссу. – О, а это что такое?

– Это все, что осталось от придурка Террасо... Он забыл пароль... Да и я сам, если честно, чуть не запямятовал...

Мимо снова промелькнул преследователь, и Кранг начал стрелять, но на этот раз неудачно.

«Манила» окончательно выровнялась и лишь слегка подрагивала из-за неисправных гироскопов.

– Куда же они прилепят, босс? – озабоченно спросил Мантилья, видя, какие хитрые фигуры выделяет противник.

– Скоро узнаем, Роби. Иди на место... И ты, алкаш темный, возвращайся к себе.

– Слушаюсь, сэр, – козырнул Дриблер и, пошатываясь, вышел сквозь выбитую дверь.

19

Едва пушка развернулась в сторону «Тритона», Кальвин бросил судно вниз, и снаряды прошли мимо.

Орландо завел корабль под самое днище «Манилы», откуда, в девяноста процентах случаев, проникали атакующие. Можно было не сомневаться, что Горилла-Кранг занервничает.

Выждав время, за которое команда «Манилы» переместилась в демпферную камеру, Кальвин вывел свой корабль с левого фланга.

Пушка снова открыла огонь, но маневренный «Тритон» успел уйти вниз.

Орландо вынырнул еще раз и симитировал подход к борту, но неожиданно «Манила» начала левый поворот, намереваясь протаранить противника. Это было правильное решение, поскольку «Тритон» был легче раз в десять.

Кальвин посторонился, и в этот момент длинное тело грузовика вздрогнуло, а перегруженный левый двигатель выбросил огромный огненный сноп. «Манила», словно налетев на препятствие, начала вращаться, как гигантский пропеллер.

«Ну все, накрылась наша добыча...» – подумал Орландо, ожидая, что грузовик вот-вот взорвется, однако, сделав несколько оборотов, «Манила» восстановила равновесие, а ее стрелок застал Орландо врасплох.

Кальвин услышал два удара в правый борт.

– Ты чем там занимаешься, Орландо? – послышался в наушниках раздраженный голос Форша.

– Все нормально, Джим, захожу на цель, – оправдывался Орландо.

Он снова провел «Тритон» под днищем грузовика и, выйдя с правой стороны, направил судно к погрузочной двери.

В борту «Тритона» открылась оружейная ниша, и оттуда вышел щуп высокочастотного модулятора.

Это было «ноу-хау» команды «Тритона». Они не пользовались ионными резаками, поскольку на это уходило много времени, а просто вышибали двери, срезая запоры мощным высокочастотным импульсом.

– Внимание, сорок секунд до касания! – объявил Кальвин.

Форш кивнул Нику Дилонги, и тот скомандовал:

– «Второй взвод», к шлюзу шагом марш!

Услышав команду, «Скаут» двинул своими металлическими членами и прошагал к двери.

– «Второй взвод» – к бою!

«Скаут» клацнул затворами пулеметов и согнул коленные шарниры. Теперь он напоминал изготовившееся к атаке хищное насекомое.

Новички с опаской покосились на боевую машину и слегка отодвинулись.

– Главное, не забегать вперед него, – пояснил им Дилонги.

– Надеть шлемы, включить фильтры, режим – «агрессивная среда»! – скомандовал Форш; случилось, что обороняющиеся пускали в шлюзы ядовитые газы.

Следом за роботом стали выстраиваться «старички».

– Давай-давай, шевелись! – подогнал Джим пятерку новеньких.

– Десять секунд! – объявил Кальвин, и эти мгновения тянулись на удивление долго.

Наконец последовал сильный толчок, потом лязганье магнитных захватов и после небольшой паузы мощный треск высокочастотного разряда.

– Дверь выбита! – сообщил Орландо, и тут же распахнулись створки переходного шлюза.

– «Второй взвод», вперед! – крикнул Ник Дилонги, и «Скаут» первым шагнул в облако пара.

Держа наготове гранатомет, за «Вторым взводом» последовал Боб Реслер. За ним Паризи, Шериф, Дилонги и Джим Форш.

Излишне суетясь и толкаясь, вслед за «старичками» пошли и молодые солдаты.

20

Выйдя в коридор, «Скаут» тут же открыл огонь по появившемуся «К-45». Неприятельский робот развернулся и ответил из крупнокалиберного пулемета. Затем он добавил ракету, и мощный взрыв отбросил «Скаута» прямо на Джима и Боба Реслера.

Вторая ракета прошла над головами атакующих и взорвалась где-то далеко позади.

«Собственный корабль не жалеют, придурки», – подумал Джим. На самом деле ему было неприятно, что они сразу нарвались на робота. «К-45» был неудобным противником.

«Скаут» стал подниматься, и вражеский робот открыл огонь из пулемета. «Старички» успели отпрыгнуть в стороны, а «молодых» накрыло сразу. Кто-то из них наверняка уцелел, но Джим Форш предполагал худшее.

Тони Паризи выглянул из-за угла и точно выстрелил зажигательной гранатой. Кислотный состав полыхнул яркой вспышкой, и жаркий огонь с треском начал пожирать свою жертву.

«К-45» превратился в огромный факел и, потеряв ориентировку, ударился о стену. На роботе сработала противопожарная защита, но это мало помогало. А Боби Реслер, не мешкая, вскинул свою пушку и вклепил «К-45» ракету в коленное сочленение.

Робот, как живой, взмахнул руками и, потеряв равновесие, завалился на бок.

– «Второй взвод», вперед! – скомандовал Дилонги, и «Скаут», прихрамывая, двинулся по коридору. Как только впереди показались люди – робот сразу открыл огонь. Появление странной машины вызвало в их рядах замешательство, и, потеряв несколько человек, небольшой отряд рассеялся по помещениям.

«Скаут» перешагнул через горящий «К-45», а проходивший мимо Джим Форш на всякий случай прострелил поверженной машине блок управления. Робот дернулся и заискрился проводкой.

Неожиданно прогремел взрыв, и осколки веером прошли по коридору.

Паризи схватился за плечо, а «Скаута» швырнуло на пол. Реслер сорвал с пояса гранату и бросил в боковое помещение. Грянул взрыв, и вслед за этим Ной Шериф ворвался в затянутый дымом отсек.

Послышались выстрелы, и вскоре Шериф выбрался обратно, волоча за собой пленного.

По давно уже установленному сценарию к пленному кинулся Джим Форш и, выхватив нож, приставил его к горлу несчастного:

– Где Кранг? Говори, сволочь, говори!

– Не убивайте меня, сэр, я все скажу... Хозяин был в капитанской рубке, а где он сейчас, я не...

Договорить он не успел. Из задымленного коридора вылетела ракета, и прогремел новый взрыв. Осколки снова защекали по броне, и один из них достался пленному. Чужая кровь брызнула на шлем Форша, и он прыгнул в сторону, успев заметить шагнувшего в дым еще одного «К-45».

«Да сколько же у них роботов?..» – удивился Форш.

Завидев вражескую машину, поврежденный «Скаут» попытался подняться, но «К-45» пригвоздил его к полу кумулятивной гранатой.

«Прощай, „Второй взвод“, – огорчился Джим. За долгое время он привык к этому латаному-перелатаному роботу.

«К-45» приближался, и Джим отошел в глубь своего убежища. Он приготовился к неравному бою, но робот дальше не пошел.

В коридоре послышались торопливые шаги. Под прикрытием «К-45» команда «Манилы» подтягивала силы. Шок от внезапного нападения у них уже прошел, и теперь Джиму и его людям готовили смертельный мешок.

«Старички» Форша прятались в боковых отсеках и так же, как и их командир, пытались найти выход из создавшегося положения. Появление второго робота оказалось для всех полной неожиданностью.

Даже не выглядывая в коридор, Джим не сомневался, что в данный момент «К-45» держал под прицелом все выходы, тем самым отрезая путь к отступлению. Однако скоро робот должен был двинуться вперед и взяться за работу.

«Ничего, Форш, – успокаивал себя Джим, – пару раз было и похуже. Например, когда пытались взять Ахмада Ладани...»

Джим вспомнил, как они нарвались на засаду и потеряли восемь человек «молодых» да еще новенький робот «Краб», который прикрывал их отступление. Ладани в тот раз ускользнул. Его взяли месяцем позже и получили за это сто восемьдесят тысяч.

Решив проверить способности «К-45», Джим поднял небольшой трансформатор и выбросил его в коридор.

Робот разнес его со второго выстрела.

«Серьезная машина», – покачал головой Форш.

– Ты где сейчас, Джим? – раздался в наушниках голос Реслера.

– Думаю, чуть впереди тебя...

– Со мной тут Паризи. У него хреново с плечом – осколок прямо в суставе...

– И что ты предлагаешь?

– А что я предлагаю? Пока этот урод стоит в коридоре – мы здесь не вояки...

– Кажется, у меня идея, – вклинился в разговор Дилонги. – Надо вызвать Орландо, и пусть он шархнет эту дуру в бок. Может, этот хрен на палках хоть с места сойдет – тогда у нас будет шанс...

В коридоре послышался шум, и разговоры прекратились. Реслер выставил гранатомет и сделал выстрел вслепую. После взрыва послышались крики. Это означало, что граната попала в цель.

Форш запустил гиперволновой генератор, позволявший связаться с Орландо Кальвином через металлические борта судна.

– Слу...ю тебя, Д... – им, – Голос Орландо звучал с сильными помехами.

– Слушай, Орландо, мы здесь в полном дерьме! Нас держит робот! Необходимо протаранить этот грузовик!

– Теб... х...ново слыш... но я ...се по...ял. Жд...те.

«Ждем», – согласился Джим.

Он подтянул крепление шлема, проверил гранаты и на всякий случай взял за торчавшую из стены скобу.

Однако удара не последовало. В коридоре опять послышались шаркающие шаги пехотинцев и жуткое клацанье идущего робота. Развязка приближалась.

Неожиданно «Манила» стала крениться на правый борт. Движение в коридоре прекратилось. Через несколько секунд грузовик начал возвращаться в исходное положение, но проскочил точку равновесия и теперь уже сделал резкий крен вправо.

Джим отчетливо услышал, как робот грохнулся на пол, а затем послышался крик Боби Реслера:

– Поберегись! – Это он предупреждал своих, чтобы не высывались.

Хлопнул гранатомет. Выстрел снова оказался удачным. Теперь уже все «старички» выскочили в коридор и, скользя по наклонной поверхности пола, начали атаку на сбившегося в кучу противника.

«К-45» делал отчаянные попытки встать на ноги, но только давил своих солдат, и они дико кричали, когда он ломал им руки и ноги. Робот был все еще опасен, и отряду Форша пришлось с близкого расстояния вести огонь по его навесному вооружению.

Вскоре совместными усилиями удалось заклинить роботу оба пулемета, разбить его гранатомет и перебить гидравлические шланги.

«К-45» еще дергался, но по мере того, как из него вытекала рабочая жидкость, терял подвижность и лишь бессильно щелкал электрическими расцепителями.

– Паризи остается. Остальные вперед, – скомандовал Форш, и его отряд двинулся дальше.

Сопrotивления они не встречали. Случайно попадавшиеся им люди являлись обслугой судна и испуганно поднимали руки, с готовностью указывая дорогу к капитанской рубке.

Передвигаться по кораблю было нелегко. «Манила» еще покачивалась и почему-то никак не могла выровняться.

– Должно быть, гироскопы слабые, – высказал предположение Ник Дилонги, когда грузовик в очередной раз стал плавно заваливаться на бок.

Когда Джим и его люди оказались в главной галерее, они слышали свистящий звук, который время от времени переходил в противный скрежет.

Одна из боковых дверей оказалась распахнута, и, судя по всему, источник шума находился именно там. Запах горячего железа и подгорающей смазки говорил о том, что это машинное отделение.

– Все, сейчас последний накроется! – послышался хриплый голос, и из машинного отделения выбрался человек, источающий букет из выпитого еще вчера и уже сегодня. С трудом удерживаясь на покачивающемся полу, он вставил в рот сигарету и, обращаясь к вооруженным людям, пояснил:

– Держите друг друга за макушки, парни, еще немного – и гироскоп накроется... Вот тогда повеселимся.

21

Последний, третий гироскоп вышел из строя в тот момент, когда Джим со своей командой были недалеко от капитанской рубки.

Реслер уже взял на прицел проем выбитой двери, а Шериф и Дилонги пробирались вдоль стены, когда внутри корабля раздался мелодичный щелчок, и «Манила» сделала резкий крен на правый борт.

Форш и Реслер распластались на полу и пытались зацепиться за ровную поверхность, однако их волокло в сторону Шерифа и Дилонги.

Неожиданно распахнулись дверки пожарного шкафа, который теперь был почти что на потолке. Сначала оттуда показался ствол пулемета, а затем свесились чьи-то ноги в ботинках самого большого размера.

Горилла-Кранг отчаянно цеплялся за створку двери, но висевший на плече тяжелый пулемет тащил его вниз. А как все было задумано? Еще немного, и он ударил бы противнику в спину...

«Манила» вздрогнула еще, и державшие дверь шурупы не выдержали. Кранг сорвался вниз и, прошелестев по полу, врезался в стену, едва не расплющив Шерифа.

Ударившись головой, Кранг потерял сознание. Форш какое-то время смотрел на него, не веря свалившейся из пожарного шкафа удаче.

– Хватаем его! Это Кранг! – скомандовал Джим, и в это время «Манила» ненадолго обрела равновесие.

Пленник был слишком тяжел, и охотники потащили его волоком, держа за ушки ботинок.

– Ох и здоровый парень, – удивлялся Ной Шериф, тянувший за правую ногу.

– Ничего, – отдуваясь, возражал Реслер, – своя ноша не тянет. По крайней мере, чувствуется, что тащишь триста тысяч, а не хрен собачий...

Дилонги шел впереди, а Форш прикрывал тыл. Он постоянно оглядывался и был готов к тому, что из-за угла может последовать выстрел.

В главной галерее их снова встретил пьяный механик. Увидев процессию, он помахал им рукой, как старым знакомым:

– Я же говорил, что последний гироскоп накроется. А все почему? Потому, что перегрузили судно... – Механик затянулся сигаретой и крикнул внутрь машинного отделения:

– Кларенс, гайки шплинтуй проволокой, слышишь меня?

– Да слышу, слышу, – донеслось из темного угла.

– Кстати, этот парень, – механик указал окурком на бесчувственное тело, – очень напоминает мне нашего хозяина. Один к одному...

Болтовня пьянчуги отвлекла Форша, и он не заметил, как за его спиной появился человек.

Белая броня, огромный ствол неизвестного оружия. Джим вскинул автомат, но понял, что уже не успевает.

22

Кисси вбежала в каюту и, сделав страшные глаза, выпалила:

– Эти бандиты схватили Кранга!

– Какие бандиты, Кисси? – Грэйс потянулась своим гибким телом и зевнула.

– Ты разве не знаешь, что на нас напали? Вон как судно болталось...

– Так механики пьяные, вот и болтает. – Грэйс взяла со стола яблоко и вонзила в него свои острые зубки.

– Да ты проснись, нашего Нэтти утащили, как дохлую обезьяну! Надо же что-то делать! – крикнула Кисси, тряся Грэйс за плечо.

Грэйс недовольно сбросила с плеча руку подружки и сказала:

– А для меня он и есть дохлая обезьяна... Я его ненавижу...

– Как же ты можешь так говорить? – На глаза Кисси навернулись слезы. – Он всегда предпочитал тебя, а ты...

– А я его об этом не просила, – ответила Грэйс со злостью в голосе.

– Тогда я сама... Я сама пойду его защищать... – сказала Кисси и, промокнув рукавом слезы, полезла в свой шкаф.

Во все стороны полетели вещи. Грэйс только сокрушенно качала головой, считая, что ее подружка окончательно свихнулась.

Наконец Кисси нашла то, что искала. Это был набор защиты для игры в мяч – белоснежные пластиковые латы с очень красивыми застежками. Этот набор купил ей сам Нэт Кранг, и Кисси частенько занималась с хозяином любовью именно в этом костюме.

– Да ты совсем сдурела. Даже если Нэта кто-то схватил, пусть этим занимается Мантилья.

– Твой Мантилья предатель. Он где-то прячется. – Кисси надела белоснежный шлем, а затем вытащила из-под кровати огромный дробовик.

– Да ты всерьез, что ли? – Грэйс поднялась с кровати, но Кисси решительно подняла оружие и направила его на Грэйс.

– Опомнись, Кисси, мы с тобой шлюхи, а не солдаты...

– Стой, где стоишь, Грэйс, – угрожающе произнесла Кисси и, пятясь, вышла из каюты.

– Ну и дура, – сказала Грэйс. Однако едва за подружкой закрылась дверь, она увязалась за ней следом. А Кисси уже бежала, стремясь поскорее выручить Нэта.

Грэйс и не подозревала, что эта глупышка была влюблена в своего хозяина. В человека, который насильно удерживал девушек у себя на судне и при этом не платил им ни копейки. Он часто их бил и постоянно угрожал отдать в пользование всей команде.

«Нет, такой участи мне не хочется», – думала Грэйс, стараясь не терять Кисси из виду.

Вот и главная галерея. Здесь Кранг прогуливал девушек и обожал, когда на них засматривался персонал судна. Грэйс казалось, что от этого Кранг получал удовольствия больше, чем от физического обладания своими рабынями.

Наконец Кисси увидела обидчиков Нэта и вскинула дробовик. Грэйс замерла, ожидая, что произойдет дальше.

Грохнул выстрел, и сильная отдача заставила Кисси сделать шаг назад. А через мгновение свинцовый вихрь подхватил тело Кисси, и осколки ее костюмчика для игры в мяч полетели во все стороны, окрашенные ярко-красной кровью.

Грэйс хотела убежать, но ноги ее не слушались. Девушка сползла вдоль стены на пол и все смотрела на то, что несколько мгновений назад еще было Кисси.

Из-за угла выглянул страшного вида солдат в надвинутой на лицо металлической маске. Он направил на Грэйс автомат и скомандовал:

– Вставай! Живо!

Девушка поднялась, и солдат вывел ее в галерею. Еще один вооруженный человек подошел к Кисси и, подняв ее дробовик, передернул раму.

– Последним патроном стреляла... – сказал он тому, кто конвоировал Грэйс.

Оглядываясь по сторонам и держа оружие наготове, солдаты отступили к тому месту, где их ждали еще двое. Один из них стоял на коленях и восстанавливал дыхание. На его кирасе красовалась здоровенная вмятина.

Рядом с ним вдоль стены вытянулось тело Нэта Кранга. На его лице было несколько синяков, и Грэйс порадовалась такому непрезентабельному виду своего хозяина.

– Давай, Джим, дыши... Дыши глубже... – советовал тот, что взял в плен Грэйс. Пострадавший наконец сумел отдышаться. Затем сам, без посторонней помощи, поднялся на ноги и взял у товарища автомат.

– Ух... Все, потащили дальше, – сказал он и, увидев Грэйс, спросил:

– Ной, зачем ты ее притащил?

– Она была рядом с той, что в тебя стреляла, – ответил Шериф.

– Отпусти ее.

– Да пусть идет, – пожал плечами Ной.

– Нет, я не хочу оставаться. Возьмите меня с собой, – попросила Грэйс.

– А чем... тебе здесь не нравится? – спросил Джим. Говорить ему все еще было нелегко.

– Да я здесь была на положении вещи. Я и Кисси – мы принадлежали этому борову...

И Грэйс с удовольствием пнула Кранга. Тот застонал.

– Эй, подруга, ты наш товар не порть! – заступился за Нэта Боб Реслер.

– Ладно, взяли, понесли, – скомандовал Джим, – а ты, если хочешь, иди с нами...

И процессия снова двинулась в направлении выходного шлюза.

Поворот следовал за поворотом, носильщики сменяли друг друга, а Грэйс, стараясь быть полезной, поддерживала голову Кранга за уши, когда его тяжелое тело сволакивали по ступенькам.

В том месте, где было первое столкновение, Гориллу-Кранга пришлось тащить на руках.

Грэйс испуганно смотрела по сторонам, перешагивая через обезображенные тела защитников корабля и еще дымившиеся останки боевых машин.

Вскоре показались Паризи и Рональдо.

– Ты один? – спросил новичка Джим, и Рональдо кивнул. – Нам помогать не нужно. Собери оружие, броню – все, что осталось от твоих ребят.

– Он живой? – спросил Паризи, имея в виду главную добычу.

– Пока да, – кивнул Реслер и подмигнул Грэйс. Общими усилиями Кранга протащили через узкий шлюз и бросили на пол уже на «Тритоне».

– Ну что, Джим? – выглянул из кабины Кальвин.

– Уходим, Орландо.

– Понял...

«Тритон» втянул магнитные захваты, зашипел сложившейся шлюзовой камерой и, оставив «Манилу» в одиночестве, стал ложиться на курс.

Держась за стену, к Джиму подошел Рональдо:

– Куда все это, сэр? – И он показал на сваленные в кучу испачканные в крови элементы брони.

– Иди отдохни, парень. Мы без тебя разберемся, – сказал Ной Шериф, видя, в каком состоянии находится новичок.

– А куда девать эту особу? – спросил Реслер, указывая на хорошенькую пленницу.

– Высадим в ближайшем порту...

– Это понятно, но сейчас-то как... – В словах Реслера послышалась какая-то двусмысленность, и Форш поспешил ее загладить.

- Не бойся, к тебе здесь никто приставать не будет, – заверил он девушку.
  - Эй, командир, говори только за себя, – заметил Ник Дилонги.
  - О-о... – простонал Нэт Кранг и открыл глаза.
- Он удивленно огляделся и, остановившись на Джиме, сказал:
- Эй, кажется, я тебя знаю... – затем перевел глаза на Реслера и добавил: – О, и тебя тоже... А где я?
  - У друзей, Нэт. Но скоро будешь дома...

23

Луи Фонтен сидел на вершине дюны и, глядя вдаль, медленно пересыпал с ладони на ладонь сухой пустынный песок.

Вот уже два месяца, как закончились бури, и на пустыню Тамар вместе с иссушающей жарой теплого сезона спустился долгожданный покой.

Поспешно появившаяся после сезона бурь травка уже успела отцвести, дать семена и засохнуть, а ее эстафету приняли колючки. Они выпускали новые, молодые жала, на которых появлялись маленькие розовые цветочки. Колючки издавали медовый запах, и по утрам возле них вились пчелы, неизвестно как попавшие в самый центр пустыни.

Часы показывали восемь утра, и солнце уже начало нагревать защитную панаму. Из-под ее широких полей Фонтен посмотрел на городок геологов.

Он был практически готов и заселялся специалистами, которые приезжали вместе со своими семьями.

Совсем рядом, в трехстах метрах от бетонного саркофага, начиналось кладбище кораблей. Как и обещал адмирал Леггойн, здесь были оставлены более тридцати судов, и некоторые из них казались совсем новыми.

В небо смотрели стволы заклепанных пушек, а кое-где из стенок судов были вырезаны огромные куски.

Словом, этой местности придали вид, максимально похожий на свалку космических судов. И Фонтен был этим доволен. Пару раз он видел там мальчишек – это был первый признак, что свалку признали как настоящую.

Справа, метрах в пятидесяти от Фонтена, показался человек. Выглянул и снова исчез за барханом. Это был один из двух телохранителей доктора.

Эти немногословные парни постоянно прочесывали местность вокруг своего «объекта», не особенно ему досаждая. За это Луи был им благодарен.

Солнце пригревало все сильнее.

«Пора возвращаться», – подумал Фонтен. Сегодняшний день обещал быть нелегким, поскольку доктор готовился поближе познакомиться с «номером вторым».

В заклитии было сказано, что он самый старый и страшен своим коварством. Но в чем выражалось коварство «номера второго», Фонтен еще не знал. До этого он ознакомился только с «привычками» «номера первого».

Два дня назад умерло трое лаборантов, обрабатывавших образцы тканей, взятых у «номера третьего». «Иссушает мир смрадным поветрием» – так было сказано о нем в заклитии, и теперь это было доказано.

Лаборанты умерли примерно так же, как в свое время погибли Дюма и Гринсберг.

Опасные исследования забирали все больше людей, но доктор Фонтен потерь не боялся. Он рисковал наравне с другими и заранее знал, что никакие жертвы его не остановят.

К счастью, везло пока и старшему инженеру Брауну, а он был очень нужен Фонтену. С новым человеком было бы значительно труднее.

Доктор поднялся с колен, отряхнул с брюк песок и направился к бетонной громадине саркофага.

Оба телохранителя неслышно двинулись за ним следом.

24

Полторы минуты на лифте вниз. Затем – обеззараживающая камера, дежурные ассистенты с приготовленным защитным костюмом и, наконец, бодрый и деловой инженер Браун.

Фонтен крепко пожал ему руку и еще раз подумал, что без Брауна было бы нелегко.

– Ну, коллега, как у нас с подготовкой?

– Все в полном порядке, сэр. Как вы и просили, я формирую исследовательские группы только из незнакомых друг с другом людей, чтобы возможные... э-э...

– Непредвиденные обстоятельства, – подсказал Фонтен.

– Да, сэр. Чтобы возможные непредвиденные обстоятельства не повергали их в сильный шок.

– И хорошеньких девушек не берите, – добавил доктор. – А то, знаете ли, обугленный труп какой-нибудь красотки и меня чрезвычайно расстроит. Честное слово, коллега.

– Женщин я не беру принципиально, сэр. Хотя одна из них – Шарон Йорк – ну просто рвется в бой.

– Она биолог?

– Да, сэр. Свою докторскую степень она получила в Ливирене.

Оба прошли в бокс, где уже ожидали пять человек из новой исследовательской группы. Двое медиков, двое биологов и один охранник – на всякий случай.

– Доброе утро, господа, – поздоровался Фонтен.

Подчиненные пробубнили ответное приветствие. Их лиц за стеклами защитных масок видно не было, и, каков у них настрой, доктор не знал.

– Ну, что же, коллеги, приступим, – Фонтен обернулся к Брауну, и инженер дал знак двум технологам. Те выкатили стол с саркофагом на середину помещения, затем сняли с него крышку и подтащили стойки с контрольной аппаратурой.

Завершив свою работу, технологи вопросительно посмотрели на Брауна.

Старший инженер кивнул, и его работники поспешно покинули бокс. Оставаться в сыром подвале, где в любую минуту могла произойти трагедия, им вовсе не хотелось.

Преодолевая страх, исследовательская группа приступила к работе. На мумию цепляли датчики, брали у нее образцы тканей, проводили замеры костей.

Прошло около получаса, все было тихо и спокойно. Стоявший у дверей вооруженный охранник расслабился и прислонился к стене.

Браун позволил себе пару шуток.

«Как, в сущности, они безобидны на первый взгляд, – подумал Фонтен, оглядывая жалкие останки одного из великих воинов Циркуса, – Где же прячется их страшная сила? Где ее источник и как им управлять?»

История гласила, что Циркус управлял страшной четверкой, опираясь только на свое магическое искусство. Что тогда называли магическим искусством? И охватывала ли его теория о психокинетике?

Первичные измерения и анализы были проведены. Полностью успокоенный Фонтен сказал всем «спасибо» и попросил Брауна вызвать технологов. Но едва рабочие появились в боксе, один из медиков рванулся вперед и всадил скальпель в шею технологю. Брызнула кровь, раненый закричал, а его напарник вцепился в горло агрессора.

Инженер Браун тотчас схватил блок питания и запустил его в голову охранника. Тот сумел увернуться и, выхватив пистолет, открыл беспорядочную стрельбу. Одна из пуль задела ногу Фонтена, и он упал.

– Стойте! Остановитесь! – кричал доктор с пола, но его никто не слышал – вокруг закипела настоящая битва.

Сбегавшиеся на шум люди тотчас вступали в кровопролитное сражение, и вскоре в исследовательском боксе стало тесно от трупов, раненых и все прибывавших беснующихся людей. Безумство достигло своего апогея, и толпа опрокинула саркофаг.

«Номер второй» вывалился на пол, но не рассыпался в прах, как опасался Фонтен. Теперь мумия выглядела значительно свежее, если такое слово можно употребить для мумии, и доктору показалось, что «номер второй» улыбался. Он был доволен, что выполнил предназначение заклęcia.

На раненую ногу Луи Фонтена кто-то наступил, и доктор закричал от боли. Он попытался отползти, но в боксе практически не осталось свободного места. Фонтеном овладел животный страх. Он понял, что его просто затопчут.

Совсем рядом с ним под ноги толкающихся и визжащих людей упало тело дежурного смены. Фонтен узнал его только по рыжим усам. Все лицо бедняги было залито кровью.

«Что же делать? Как прекратить это?» – пронеслось в голове Луи Фонтена. Наконец приняв решение, доктор стал пробиваться к стене, старательно прикрывая раненую ногу.

Схватив упавший пинцет и морщась от боли, Фонтен начал пробираться к оскаленному в улыбке черепу «номера второго».

Два метра... Чей-то каблук попал на раненую ногу. Луи Фонтен закричал, но его голос утонул в десятках воплей убивающих друг друга людей.

Полтора метра... Кто-то упал прямо на доктора, и в лицо Фонтену пахнуло характерным запахом вспоротой брюшины.

Ворочаясь под трупом, доктор на разбитых в кровь локтях сделал еще один рывок. Теперь только метр отделял его от цели. И, если постараться, Луи мог одним броском дотянуться и вогнать пинцет в этот облезлый усмехающийся череп.

– Наплевать на твою исключительность! Я разнесу тебя, как гнилую воблу! – страшным голосом закричал Фонтен и замахнулся своим оружием.

В одно мгновение вопли стихли, и воцарилась тишина, нарушаемая только отдельными всхлипами живых и хрипом умирающих.

«Он самый старый, и коварство его несравнимо... – еще раз прокрутилось в голове Фонтена, и он опустил руку с пинцетом. – Теперь я понимаю, в чем его сила... Теперь понимаю...»

25

Джим помнил, что прошлым вечером Грэйс ушла с Боби, а утром она уже стояла в обнимку с перевязанным Паризи.

Кальвин и Ной Шериф ходили с помятыми лицами, а Ник Дилонги еще спал. Из всего этого Форш сделал вывод, что девушка очень быстро приобрела на «Тритоне» массу друзей, и можно было только догадываться, каких усилий ей это стоило.

Один только Рональдо как хищный зверек бросал на утомленную деву жадные взгляды. Однако до встречи с военным кораблем Ученого Дома оставалось больше суток, и Джим не сомневался, что Рональдо пополнит коллекцию настойчивой девушки.

– Я попросил бы вас привести себя в порядок, коллеги. Не исключено, что посредники не захотят с нами делиться, и тогда придется поработать. А эту подружку, – Джим старался говорить строго, – я все равно высажу, и как можно скорее. Само собой разумеется, я прослежу, чтобы вы поделились с ней своими деньгами. Нельзя, чтобы девушка работала бесплатно...

Сказав это, Джим ушел в кабину, где автопилот в полном одиночестве занимался пилотированием «Тритона».

Посмотрев на показания приборов, Джим уселся в пилотское кресло и уставился в носовой иллюминатор, созерцая однообразную космическую черноту, слегка разбавленную светом далеких звезд.

Джим глубоко вздохнул и закашлялся – вчерашняя контузия еще давала о себе знать, а на груди остался огромный синяк. Но мысли командира были уже совсем о другом.

За Нэта Кранга предполагалось выручить триста тысяч кредитов. Деньги, конечно, немалые, но экипаж «Тритона» потерял своего «Скаута». А идти на abordаж без робота – это верная гибель.

«К-45» стоил сто семьдесят тысяч, а новенький «Канберра» – все триста. Конечно, можно было взять «Канберру» в лизинг, но для этого требовался поручитель. Где взять поручителя?

Джим еще раз вздохнул и уловил нежный запах чего-то такого... Он еще не вспомнил, что может так хорошо пахнуть, когда увидел Грэйс.

Она была одета в том же стиле, что и вчера, – маечка и то ли шортики, то ли трусики. Своей жене Джим ни за что бы не разрешил появляться в таком виде перед гостями.

– Это здесь вы рулите? – невинным голосом спросила девушка.

– У тебя есть какие-нибудь документы? – спросил Форш. Он не хотел показывать, что Грэйс его интересовала.

– Какие документы? – не поняла девушка. – Может быть, медицинская справка?

«Все с тобой ясно, девочка. Главным документом для тебя всегда была медицинская справка...» – Форш помолчал, а потом стал объяснять:

– У тебя должно быть удостоверение личности, где написано, как тебя зовут...

– Меня зовут Грэйс Тилдер...

– Это я знаю, но не будешь же ты всем представляться – меня зовут Грэйс! Должен быть официальный документ, заверенный печатью и магнитным кодом.

– А это руль? – спросила девушка.

– Это штурвал.

– А вы научите меня рулить?

– Ты меня совсем не слушаешь, – заметил Форш.

– Нет, слушаю, – возразила девушка. – Вы сказали «магнитный кот».

– Не «кот», а «код», милочка. Магнитных котов не бывает...

– Нет, бывает. Мадам Бальер разрешала мне держать кота, и он был очень пушистый. Когда я его расчесывала, расческа магнитила бумажки, волосы, пыль – ну все подряд. Значит, мой кот был магнитный...

Не удержавшись, Джим рассмеялся. Логика Грэйс его развеселила. Между тем он даже не заметил, как она села на соседнее с ним кресло.

– Что... что у тебя за духи? – спросил он, немного смутившись.

– Это Тони подарил. Он купил их своей девушке, но она вышла замуж. Вот он и отдал их мне. Правда, хорошо пахнут? – Грэйс нагнулась к Форшу так близко, что у него защекотало в спине.

– Хорошие духи. А что тебе еще подарили?

– Ной подарил набор белья... Вот...

– Нет-нет, не нужно. Наверняка белье очень хорошее, но откуда у Ноя женское белье?

– Он купил его сестре, но решил отдать мне... Говорит, что домой попадет нескоро.

Грэйс замолчала, приняв обличье тихой овечки.

«Она не глупа. Она далеко не глупая стерва...» – предупредил себя Форш. Грэйс нравилась ему все больше, но уступить ей после того, как он занял совершенно другую позицию... Это было бы не солидно. Он старший в команде и не должен терять лицо.

– Давай начистоту, крошка. Что тебе нужно?

Грэйс улыбнулась, и ее лицо приняло слегка усталое выражение.

– Просто у меня нет никакой другой возможности расплатиться с вами... Вот и приходится делать то, что я умею.

– Это необязательно. Мы доставим тебя в порт совершенно бесплатно и даже дадим немного денег – на первое время хватит...

– И что мне делать потом? Снова идти в бордель?

– Слушай, а почему я должен решать твои проблемы? У меня и так полно расходов. Мы еще не получили деньги за Кранга, а я уже расписал все до копеечки...

– Я не прошу денег. Я готова работать наравне со всеми...

– Ты? А что ты можешь, кроме как подставить под пули свою попку в шелковых трусиках?

– Но у вас на судне полно другой работы. Я уже заметила, что вы питаетесь всякой дрянью из пакетиков, а я умею готовить. Потом...

– Никаких «потом», милочка. Если ты останешься на судне, то скоро наша команда перессорится из-за права спать с тобой... – Джим невольно скользнул по Грэйс взглядом и отвернулся.

– Но я надену другую одежду. Думаешь, приятно ходить в таком виде? Я больше не хочу быть шлюхой и готова работать. А денег на первых порах можешь мне не платить. Пусть это будет испытательный срок.

– Это исключено, Грэйс. Все наши парни, которым ты угодила, только и будут вспоминать о том, как у вас все это хорошо происходило. Они мужики, понимаешь? А малыш Рональдо, тот, как пить дать, за нож схватится. Я таких хорошо знаю. И весь этот бардак будет происходить здесь каждый день.

– О'кей, командир, дай мне неделю. Одну только неделю, а потом, если будут проблемы, выбрасывай меня хоть в открытый космос...

Джим хотел сказать, что нужно посоветоваться с экипажем, но потом подумал, что это бесполезно. Сейчас его люди были полностью на стороне Грэйс.

– Хорошо – одна неделя. Подходящую одежду я тебе подберу, и уже сегодня ты должна накормить нас ужином...

26

Полицейский корабль «Нельсон» вышел в назначенный район и лег в дрейф, ожидая появления судна охотников.

Двое суток назад одна из бригад этих свободных ловцов связалась с департаментом криминальной полиции Ученого Дома и предложила обменять Нэта Кранга по прозвищу Горилла на заявленное вознаграждение: триста тысяч за мертвого или триста пятьдесят за живого.

Полиция охотилась за Крангом уже десять лет, но в сфере досягаемости полицейского департамента Горилла не появлялся, предпочитая действовать через помощников и подставных лиц. В результате поток контрабандного оружия на планеты Ученого Дома не иссякал, а Кранг продолжал наслаждаться жизнью на свободе.

В конце концов правительство Ученого Дома включило его в международный каталог разыскиваемых лиц. Поначалу Нэт оценивался всего лишь в тридцать тысяч, но за такую цену никто из охотников не пошевелил бы и пальцем. Тогда цена удвоилась, и несколько полупрофессиональных групп попытались устроить на Кранга покушение. Охрана Нэта благополучно их перебила, и на несколько лет его оставили в покое.

Позже Ученый Дом повысил вознаграждение до трехсот тысяч, и за Нэтом увязалось сразу несколько бригад, однако он обманул их, отбыв в неизвестном направлении. И лишь команда Джима Форша, одна из самых старых в этом бизнесе, вычислила его и «села на хвост».

И вот теперь два офицера полиции взвешивали свои шансы на скорое обогащение. Они немного волновались и беспрерывно курили. Да и как не волноваться, ведь деньги были совсем рядом – на магнитном чипе. Оставалось только забрать Кранга, а это не составляло особого труда – ведь на «Нельсоне» было двести человек десанта.

– А может, все-таки дадим им немного денег? Ну, скажем, сорок тысяч... – предложил прыщавый лейтенант Лейв Олбрайт.

– Не дрейфь, стажер, – усмехнулся капитан Хариер. – Я все сделаю сам, а ты только смотри и учись...

– Да, сэр, но все равно мне как-то страшновато. А вдруг они сообщат в департамент?

– Ну кому поверят в департаменте, Лейв? Двум бравым офицерам или каким-то разбойникам? И потом, мы и людям в департаменте немножко отстегнем – это никогда не помешает... Ты слушай меня, стажер. Я знаю, что говорю...

Капитан Хариер потянулся за очередной сигаретой, но потом передумал. Он слишком много курил в последнее время, и его язва все чаще давала о себе знать.

«Так и на списание попасть недолго...» – подумал Хариер и вспомнил, как трудно в этом полугодии он сдавал кросс. Еще немного, и ему указали бы на «несоответствие должности», а это не входило в планы Хариера. Тем более сейчас, когда его назначили командиром курьерского отряда. Товар – деньги – карман. Вот то движение капитала, которое признавал Билл Хариер.

– А вы уже участвовали в таких делах, сэр? – осторожно спросил лейтенант.

У Хариера возникло желание соврать, но потом он решил не делать этого.

– Нет, стажер. Сам я не участвовал, но знаю нескольких людей, которые прекрасно оформляли такие дела, однако эта информация, сам понимаешь, секретная...

– Я никому не скажу, – пообещал лейтенант, – я ведь в деле...

– Майор Джексон, например. За две такие операции он заработал около шестисот тысяч.

– Но ведь именно за это Джексона убили охотники за головами...

– Это басни, стажер, охотники тут были ни при чем. Джексона атаковали пираты из отряда Кровавого Янки...

– А я слышал...

– Ладно, Олбрайт, заткнись, – разозлился капитан. – Если не хочешь, не надо. Тогда я все деньги заберу себе...

– Нет-нет, сэр. Я готов... Я согласен...

– То-то же.

На столе капитана Хариера заработал модуль связи.

– Сэр, судно «Тритон» на подходе, – сообщили с поста локации.

– Спасибо, Блейк, – поблагодарил Хариер и резко поднялся. – Все, Олбрайт. Теперь никаких вопросов – только выполнение моих приказов.

– Так точно, сэр.

– Беги сейчас же к сержанту Скунсу, и пусть он готовит людей. Много не нужно – человек пятьдесят. Они сыграют роль устрашения, если вдруг эти парни заартачатся... Скажешь и сразу возвращайся. Я хочу, чтобы ты видел, как я это делаю...

27

До касания борта полицейского судна оставалась пара минут. Кранга уже вывели к шлюзу, и он понуро стоял у стены, кусая пластиковый кляп и сопя перебитым носом.

– Знаешь, если бы у меня было триста тысяч, я бы выкупила его у вас и убила, – сказала Грэйс Джиму.

Кранг не слышал, что говорила девушка, но, по-видимому, догадался. Он опустил голову и стал рассматривать свои ноги, связанные углеволоконным тросом.

– Внимание, касание, – сообщил Кальвин, и стены корабля завибрировали от усилий тормозных двигателей. Затем последовали толчок и знакомое щелканье магнитных захватов.

– Ну, давай... – Дилонги взял Кранга под локоть, с другой стороны подошел Шериф. Джим встал сзади на случай, если арестованный попытается сопротивляться, но Кранг уже смирился со своей участью и, повинуясь конвоирам, шагнул в переходный шлюз.

С обратной стороны их уже встречали. Полицейский чин с погонами капитана и сальной физиономией похлопал Кранга по плечу и передал его вооруженным и снаряженным в штурмовую броню солдатам.

«Их слишком много для обычного конвоя...» – подумал Джим. Он понимал, что этот спектакль был демонстрацией силы. А следовательно, денег им не дадут.

– Благодарю за сотрудничество, господа охотники, – улыбнулся капитан. – А теперь вы можете быть свободны...

Дело было плохо. Их даже не впустили в галерею.

– Но у меня к вам есть еще одно дело, – сказал Джим, понимая, что начинать разговор о деньгах не имело смысла.

– Говорите, что это за дело.

– Я не могу говорить при посторонних, сэр. Лучше нам побеседовать наедине... Или вы опасаетесь трех невооруженных людей?

– Едва ли я услышу от вас что-то ценное, но за ваши труды вы, без сомнения, заслуживаете хотя бы посещения моего судна. – Капитан качнулся на каблуках и кивнул: – Валяйте, заходите...

Солдаты расступились и пропустили гостей в галерею. Те, в свою очередь, встали к стене и пропустили вперед хозяина судна.

Хариер свысока взглянул на этих троих растяп и, хмыкнув, пошел к своему кабинету. Следом за ним, имитируя поведение старшего, шел лейтенант Олбрайт. И только после лейтенанта несмело двинулись гости.

Солдаты замкнули шествие, угрюмо поглядывая на странных посетителей.

– Ну что, Ник? – тихо спросил Джим.

– Прилепил, – так же тихо ответил Дилонги.

Они вошли в кабинет капитана Хариера и остановились возле двери.

– Присаживайтесь, господа, – издевательски улыбаясь, предложил Хариер. Лейтенант Олбрайт позволил себе ухмыльнуться.

– Спасибо, сэр, но мы ненадолго, – сказал Джим. – Только возьмем деньги и сразу обратно. Время не ждет...

Услышав слова Форша, хозяин кабинета зашелся счастливым смехом. Затем, вдруг сразу став серьезным, сообщил:

– На этот раз денег не будет, господа. Может быть, позже...

– Хорошо, мы можем подождать, – согласился Джим. Шериф и Дилонги тоже закивали.

Капитан Хариер внимательно посмотрел на эту тройцу и после минутного раздумья сказал:

– Вы или полные дураки, или у вас припасен козырь... Ну, господа, давайте ваши карты на стол, и тогда посмотрим, чья взяла.

– И так уже ясно, что наша, сэр, – заявил Джим. – Отдавайте деньги...

– Эй, Лабуда! – крикнул Хариер, и в кабинет вошел рослый десантник.

– Капрал Лабуда прибыл по вашему приказанию...

– Обыщи-ка этих поганцев. Что-то они слишком расхорохорились...

Капрал поставил автомат к стене подальше от гостей. Затем снял защитные рукавицы и обыскал всех троих.

– Ничего нет, сэр. Ни зажигалок, ни авторучек, ни носовых платков.

– М-да. Чрезвычайно миролюбивые ребята... Ну ладно, капрал, проводи их до шлюза. Мы уже поговорили...

– Есть, сэр.

Не говоря ни слова, Форш, Дилонги и Шериф вышли в галерею и в сопровождении двух отделений солдат вернулись к шлюзу. Там они сказали капралу «До скорого свидания» и перешли на «Тритон».

Как только Боб Реслер увидел лица своих друзей, он все понял и согласно заготовленному сценарию вошел в шлюз и шлепнул на борт «Нельсона» «фактор воздействия». Это был большой кусок липкой пластичной массы с воткнутым в середину стержнем, на котором мигала красная лампочка.

Едва Боб вышел из шлюза, как Форш скомандовал:

– Орландо, сворачивай шлюз! Отойдем недалеко...

– Я понял!

Через пару минут «Тритон» отошел от судна, и Джим связался с капитаном Хариером.

– Что-нибудь забыли, ребята? – спросил тот.

– А вы, сэр, уже шампанское открываете?

– Да, признаюсь, у меня есть повод.

– Едва ли, сэр. Вы немного поторопились.

– Почему?

– Сбегайте на корму и посмотрите в шлюзовую иллюминатор, тогда вам все станет ясно.

Капитан Хариер не стал препираться и пошел смотреть лично. Через несколько минут он снова оказался на связи.

– Это что – бомба? – спросил он негодующе.

– А разве похожа? – удивился Джим, полагая, что теперь пришла его очередь издеваться.

– Вы блефуете – я вам не верю, – отрезал Хариер.

– Не верите, что это бомба?

– Не знаю, бомба это или нет, но взрывать полицейское судно вы не станете. Вы заинтересованы в сотрудничестве...

– С чего это вдруг мы должны быть заинтересованы? Или вы думаете, что мы просто мечтаем работать бесплатно? Да вы просто осел, сэр...

– Да как ты смеешь...

Вместо продолжения дискуссии Джим кивнул Дилонги, и тот нажал кнопку дистанционного пульта. Прилепленный в галерее «Нельсона» небольшой заряд рванул так, что Джим даже по рации услышал вопли раненых.

– Прекратите! Прекратите! У нас раненые! – закричал в эфир капитан Хариер.

– Надеюсь, теперь, сэр, вы не считаете, что мы блефуем?

– Не считаю... Ваша взяла, не знаю, как вас там...

– Это не важно. Говорите код, я сам сниму с вашего чипа деньги...

– А-К-Р-124... – через силу произнес капитан.

Джим тотчас сел за компьютер и вышел на нужный канал. Через тридцать секунд перевод денег состоялся.

Стоявший рядом Дилонги облегченно вздохнул, а Тони Паризи погладил перевязанное плечо.

– Очень хорошо, сэр. Оказывается, вы не такой уж плохой парень...

– Теперь снимите вашу бомбу! Вы же обещали! – потребовал Хариер.

– Ничего я вам не обещал. Пошлите человека в скафандре, и он, действуя с должной осторожностью, снимет бомбу.

– Как я могу вам верить? Ведь вы можете обмануть меня и взорвать корабль!

– Ни в коем случае, сэр. Теперь, когда я получил свои заработанные деньги, я, как никогда, заинтересован в дальнейшем сотрудничестве с департаментом полиции... Всех вам благ, сэр, и привет семье...

«Тритон» прибавил тяги и вскоре растворился в космосе, а капитан Хариер был вынужден последовать совету Джима Форша. Посланный на борт судна сапер вернулся через полчаса и, устало стянув с себя шлем, бросил на пол снятую мину.

– Это не взрывчатка, сэр, – доложил он Хариеру, – это строительный уплотнитель, а роль запала с мигающей лампочкой играл туристический карандаш с батареей...

– И все? – удивился Хариер.

– Да, сэр.

28

Как Джим и предполагал, Грэйс слишком завысила свои кулинарные способности, но ее стряпня все же отличалась от концентратов в лучшую сторону.

Где-то слишком много соли, где-то специй, однако это была настоящая горячая пища. На здоровье самого Форша это сказалось положительно – он перестал страдать изжогой и глотать таблетки.

Несмотря на опасения, что экипаж устроит брачные бои за единственную самку, ничего подобного не происходило. Все относились к Грэйс как к равной, да и сам Форш уже не смотрел ей ниже пояса. Девушка перестала пользоваться косметикой и носила только корабельную робу, однако даже бесформенная одежда сидела на ней как-то по-особенному – красиво.

Прошло две недели, и Джим пришел к выводу, что такой человек на судне нужен, тем более что в оперативной работе, которой было много, часто требовалась женщина-агент.

Из полученных денег почти сорок тысяч пришлось истратить на сезонный ремонт и покупку заправочной карты. Чтобы сэкономить средства, большую часть работы экипаж взял на себя. Грэйс и тут пригодилась. Она бралась за любое дело и, несмотря на отсутствие навыков, приносила пользы больше, чем раненый Тони Паризи.

На очередном совете экипажа, в котором участвовали все без исключения, было решено купить нового робота. А поскольку поручителя не было, экипаж согласился с предложением Джима Форша: заплатить половину стоимости машины, заложив «Тритон» вместе со всем имуществом.

И вскоре команда Джима Форша отправилась в длинный переход к Ли-Чикеру, планете, где работал постоянный салон по продаже военной техники.

Купить робота или летающий танк можно было и в десятках других мест, но профессионалы доверяли только салонам Ли-Чикера, поскольку там торговля велась представителями военно-промышленных гигантов.

Тот же «К-45» или «Канберру» можно было приобрести без лицензии, да еще за впятеро меньшую цену, чем на Ли-Чикере, но эти «дешевые» машины собирались на заводах Тай-Фаня, нередко прямо в цехах по производству сельскохозяйственных агрегатов.

Пиратские копии были нежными, как мороженое, а при малейшей возможности вместо противника уничтожали своих хозяев.

Бывали случаи, когда, создав из подделок целую армию, незадачливый полководец терпел поражение от одной-двух настоящих машин.

29

Через пять суток «Тритон» прибыл к Ли-Чикеру.

Некогда край пиратской вольницы, теперь Ли-Чикер был образцом законности и порядка. На подступах к планете стояли полицейские посты, которые заставляли отвечать на многочисленные вопросы.

Желающих купить оружие было достаточно, но лишь немногие из них имели на это право. Поэтому еще на подходе к планете случайные корабли отправлялись обратно.

– Здравствуйте, доложите о цели вашего визита.

– Покупка оружия, сэр.

– Есть ли у вас на это разрешение и какого рода деятельностью вы занимаетесь?

– Розыскная фирма «Пусси кэт», номер лицензии 847563829.

– Одну минуту.

Последовала пауза, в течение которой номер лицензии проверялся через базу данных.

– Все в порядке, господа, – сказали уже более уважительно. – Если можно, ответьте, пожалуйста, на пару дополнительных вопросов.

– Задавайте...

– Что именно вы хотите купить в салоне?

– Нам нужен новый робот. Старый мы, увы, потеряли.

– Какую именно машину вы хотели бы купить?

– Нас устроит «Канберра»...

– О, должно быть, ваши дела идут блестяще... Благодарим вас. Ваш посадочный вектор 4-5-3. Удачной покупки.

– Кто это был? – спросила у Форша Грэйс, она живо интересовалась всеми делами на корабле и сейчас внимательно следила за переговорами командира.

– Всего лишь полицейский компьютер... Иди надень выходную форму. Мы идем в магазин.

30

Майор Вертински выпил еще порцию коньяку и занюхал ее кусочком шоколада. Локвуд покачал головой:

– Разве можно пить коньяк таким образом, Марк? Ведь это же не джин военной поставки, сделанный из яблочных огрызков. Это – «Арарат». Кто знает, сколько веков шел до нас его рецепт. А ты – одним махом. Бац, и все...

– А вот тут я с тобой не согласен, – возразил Вертински. – Существуют две школы питья – «восточная» и «западная»... Я по этому делу прочитал диссертацию...

– Чью диссертацию? – Язык Локвуда уже немного заплетался.

– Не свою, понятное дело. Стал бы я здесь в сапогах маршировать, если бы умел писать...

Писать диссертации, я имею в виду...

– Ну так и что там «восточная» и «западная»? – напомнил Гэс Локвуд.

– Это ты о чем?

– Эй, Марк, тебе молоко пить надо, а не коньяк.

– Нет-нет, я вспомнил. Так вот, Гэс, «западная» школа питья – это воздействие на вкусовые и обонятельные рецепторы... А именно... – Майор икнул и, наведя фокус на Локвуда, продолжил: – А именно эту школу ты и исповедуешь. Ты гоняешь коньяк во рту и говоришь, что все оч-чень хорошо... А я...

– А что же ты?

– Подожди, Гэс, не так быстро. Ага, ты гоняешь коньяк во рту и возбуждаешь свои рецепторы...

– Вкусовые, – заметил Локвуд.

– Согласен, – кивнул Вертински. – А я следую «восточной» школе...

– И в чем же разница?

– Все просто, Гэс, эта школа находится на востоке... Слушай, а чего мы хотели сегодня сделать?

– Позвонить на Лив-Гертон, чтобы переговорить с Веласкесом.

– Правильно.

– Ты говорил о «восточной» школе.

– Да, говорил и буду говорить... И никому не позволю... – Майор съехал со стула и оказался на полу. – Давай выпьем, Гэс...

– Тебе уже хватит, Марк, ты и так уже похож на свинью...

– Правда?

– Правда...

– Ну, я тебе верю, Гэс... – Вертински попытался снова взобраться на стул, но у него это не получилось. Наконец Локвуд помог ему, и майор снова оказался на стуле.

– А «восточная» школа, – продолжил он как ни в чем не бывало, – учит нас чувствовать напитки пищеводом...

– Пищеводом вкус не почувствуешь, – возразил Локвуд.

– Согласен, – кивнул Вертински, – но воздействие напитка, изменение состояния человека лучше всего почувствуешь только пищеводом. Вкус ничто, состояние все...

– По-моему, это уже какая-то философия... – Гэс Локвуд попытался поймать вилкой последнюю маслину, но та оказалась довольно верткой. Тогда Гэс засунул в банку пальцы, и вскоре маслина была поймана.

– Сколько сейчас времени? – спросил Вертински.

– У тебя же есть часы...

– Да, действительно. – Майор долго глядел на стрелки, прикидывая и так и эдак, но в конце концов произнес:

– Мне, кажется, пора...

– Ну тогда звони...

Сам не понимая как, но майор вспомнил номер своего земляка-связиста и непослушными пальцами стал тыкать в наборную панель. Вскоре произошло соединение. Незнакомый голос запросил пароль, но Вертински сказал:

– Мне нужен Биндвист...

– Капитан Биндвист?

– Да...

Последовала пауза, а затем Вертински услышал голос своего земляка:

– Слушаю вас. Кто это?

– Привет, Гарри!

– Марк, ты, что ли?

– Нет, адмирал Фоккерблум...

– Да ты, никак, пьяный...

– Это не важно. Я по делу...

– По какому делу? – Голос Биндвиста то пропадал, то появлялся вновь – Лив-Гертон действительно был очень далеко.

– Я хотел узнать, как дела у Джеффри Веласкеса...

– Какого Веласкеса?

– Ну ты даешь, Гарри. Капитан Джеффри Веласкес уже давно должен был прибыть на ваш гребаный... этот Лив-Гертон.

– Ты, наверное, чего-то спьяну напутал. Никакого Веласкеса я не знаю, и последние три месяца к нам никого не присылали...

– Да? Ну тогда прощай... – Майор положил трубку и замолчал. Затем поднял глаза на Локвуда и предложил: – Давай еще выпьем?

– Я так понял – его там нет? – спросил Гэс, трезвея.

– Нет и не было... Три месяца никаких новых назначений. Одно слово – Лив-Гертон. Тишь да благодать... – Не дожидаясь Локвуда, Вертински налил себе и выпил.

– Может, его перевели в другое место? – предположил он, чтобы успокоить Локвуда.

– Нет, Марк. К нам в канцелярию уже пришло подтверждение, что Веласкес успешно служит на новом месте... Просто никому в голову не приходило, что у тебя там может оказаться земляк, который все тебе расскажет безо всякого пароля...

– Тут уже ничего не поделаешь, Гэс.

– Я этих сук на куски порву... – глядя перед собой, пообещал Локвуд.

– Не надо, не заводи себя. Воевать с УСП невозможно. Тебя раздавят, как окопную вошь, Гэс. Оставь их в покое, и они тебя не тронут...

– Вот тут ты ошибаешься, Оноре. Они и за мной придут... Я это знаю.

Локвуд поднялся со стула и ощутил в голове необыкновенную ясность. Теперь он знал, что нужно делать. Он решил сопротивляться, и не потому, что боялся за свою жизнь.

Капитан Локвуд решил мстить тем, кто воюет против своих. Несмотря ни на какие высочайшие соображения, Локвуд расценивал такие игры как предательство.

– Эй, да куда же ты собрался?

– Пойду к Зельдовичу. Посмотрю ему в глаза и спрошу – куда он дел Джефа... – Локвуд сказал это таким тоном, что Вертински понял – разубеждать его бесполезно.

31

Координатор «восьмого особого отделения», генерал Спайк Деньер, стоял перед зеркалом и внимательно изучал свои зубы.

Увы, они желтели от табака, и это было ужасно, тем не менее пользоваться сигарными имитаторами Деньер отказывался.

«Только живой, бодрящий табак возвращает мне силы...» – говорил он, когда кто-то досаждал ему беседами о здоровом образе жизни.

«Если бы это было так вредно, ни один врач не пил бы и не курил. А раз они это делают, значит, можно и нам – их пациентам. Я доверяю нашей медицине на все сто...»

Спайк продолжал смотреть в зеркало и вспоминал слова своей жены: «Спайк, тебе нужно заняться своим здоровьем. Ведь ты совсем не справляешься со своими супружескими обязанностями...»

Дейдра говорила это полушутя, но Деньер знал, что в этом плане у него с женой становится все больше проблем. Однако дело было не в здоровье и куреве. Причина была в другом...

В дверь постучали. Генерал крикнул «Войдите», и на пороге появился Юлиан.

Его шикарные волосы живописно лежали на плечах, а умелый макияж придавал лицу некую таинственность.

– Проходи, закрывай дверь... На ключ... – При последних словах голос Деньера дрогнул.

Юлиан привычно замкнул дверь и презрительно оттолкнул тележку с ведром и шваброй: он числился в управлении уборщиком. Затем, поигрывая бедрами, прошел к столу генерала и присел на его краешек.

Деньер обожал этого юношу. Он встречался с ним каждый день, и подчас у него не хватало сил для продолжения любовных утех, но ничего поделать с собой генерал не мог.

– О, Юлиан... – горячо зашептал Деньер и привлек любовника к себе.

– Мне надоело ходить с этой грязной тряпкой, Спайк... – захныкал тот.

– Но, любовь моя, это же только для отвода глаз. Ты же ничего не делаешь.

– Все равно. Они косятся на меня, и я... смущаюсь.

– Кто «они»? – строго спросил Деньер.

– Все... Все мужчины в этом здании...

Когда Юлиан вел себя подобным образом, Деньер знал, что ему нужны деньги.

– Ну-ну, любовь моя, может, мы тебе что-нибудь купим? – сюсюкая, предложил генерал.

– О да, Спайк! Я хочу новое боа!

– Ну хорошо. Сколько?

– Две тысячи... – скромно потупив глазки, признался Юлиан.

Генерал вздохнул, однако вытащил чековую книжку и выписал требуемую сумму.

– Зачем тебе столько барахла, счастье мое? – спросил Деньер. Он знал, что у его любовника огромный гардероб.

– О, для настоящей сценической жизни, Спайк, это не так много...

– Ох... – покачал головой Деньер. У его любовника был еще один пункт – он обожал петь. Голос у Юлиана был слабенький, и он вместо пения орал, стараясь резонировать затылочной костью. Получалось отвратительно. В такие минуты Спайк его просто ненавидел.

«Ну кто, кто сказал Юлиану, что он может петь?!» – многократно задавал себе этот вопрос Деньер. Он хотел бы найти этого человека. Найти и убить.

Иногда любовники встречались не в кабинете генерала, а в квартире, которую Деньер снимал для Юлиана. Генерал всегда появлялся без предупреждения, чтобы Юлиан опасался изменять ему.

Там они тоже занимались любовью, а затем обессиленный Деньер лежал на тахте, а Юлиан в свете софитов показывал ему стриптиз.

Он то раздевался, то снова одевался, примеряя все новые и новые наряды.

Генерал забывался и говорил: «Ну ты прямо как женщина...»

«А разве я мужчина, любимый?...» – улыбался Юлиан.

На квартире было хорошо, однако постоянно устраивать там свидания было невозможно, поскольку за сотрудниками управления иногда следили.

Безопаснее было встречаться прямо в кабинете Спайка Деньера. И именно для этого генерал устроил Юлиана в управление уборщиком, а чтобы поддержать его материально, проводил по документам сразу трех агентов-информаторов: «Арнольд», «Герцог» и «Луиза».

Последний псевдоним нравился генералу больше других. Имя Луиза как нельзя лучше подходило его любовнику.

Деньер взглянул на часы – половина пятого. В пять пятнадцать он должен был присутствовать на совещании у адмирала. Следовало поторопиться.

– Ну давай сделаем это, малыш, а то у меня много работы, – сказал Деньер. Юлиан начал раздеваться, но в этот момент зазвонил телефон.

Спайку захотелось разбить телефон о стену, но он находился на службе, и это было выше желаний.

– Да, – резко ответил Деньер.

– Полковник Зельдович, сэр. Начальник особого отдела транспорта «НР-121».

– Слушаю вас, полковник.

– У нас пропал офицер, сэр. Капитан Веласкес был переведен на Лив-Гертон, но на новое место службы не прибыл.

– А с чего это вдруг начальник особого отдела занимается делами управления по кадрам? Вам что, полковник, своей работы мало? Ваше дело – безопасность!

Генерал хотел наорать на полковника, но присутствие нежного Юлиана смягчало его и не давало проявить начальственную жесткость.

– В настоящий момент, сэр, этот кадровый вопрос касается именно безопасности. Наши офицеры считают, что капитана Веласкеса ликвидировали люди из УСП, и теперь они требуют от меня объяснений. Если я их не дам, они, возможно, предпримут какие-то противоправные действия, и я не смогу этому помешать...

Половину того, что говорил Зельдович, генерал Деньер не слышал. Он был занят любовной игрой с Юлианом.

– Короче, так, полковник. Или вы наводите на вашем транспорте порядок, или я высылаю эскадру, и она разнесет ваш вертеп к...

– Хочу только напомнить, сэр, что личный состав выполняет функции внешней охраны в проекте «Циклон-квадро»...

– Что?! – Генерал столкнул с коленей обнаженного любовника, и тот, не удержавшись, упал. Но Деньер этого даже не заметил и, быстро полистав на столе какие-то бумаги, сказал:

– Был у нас ваш Веласкес. Его ликвидировали – он располагал секретной информацией и отказывался сообщать источник ее получения. Это обычная процедура, полковник, и я не понимаю, почему вы, человек, который практически работает в нашей системе...

– Прошу прощения, сэр, за то, что перебиваю вас, но для меня не секрет, как и что делается, однако прямо передо мной сидит капитан Локвуд, который присутствовал при разговоре Веласкеса с вашим сотрудником. Он слышал весь разговор и теперь опасается такого же внезапного «перевода» на новое место службы...

– Так чего же ему нужно? – спросил генерал.

В это время Юлиан подошел сзади и обнял Деньера, но тот резко его оттолкнул, показывая, что очень занят.

– Ему нужны гарантии безопасности, сэр. Он все мне рассказал, и смею вас заверить, сэр, тут вышла ошибка. Вы уже «сожрали» невиновного человека, так оставьте в покое хотя бы Локвуда.

– Одну минуту, полковник... – Деньер заглянул в свои записи и вскоре нашел там фамилию «Локвуд». Этого человека тоже поставили на «списание».

«Бардак какой-то...» – подумал Деньер.

– Хорошо, полковник, я закрываю дело Локвуда. Пусть спит спокойно – он будет служить на этой посудине до самой пенсии. Уж это-то я ему обещаю...

Генерал бросил трубку и, понимая, что времени остается все меньше, нетерпеливо привлек к себе Юлиана.

32

Фрэнк Лессер отключил свой монитор и стал пролистывать бумаги. Сцены подобных свиданий давно уже не были для него в диковинку. Отдел внутренних расследований знал все и про всех, а уж идиоты, таскающие в кабинеты любовниц и любовников, давно были под колпаком.

Однако Деньер – это другое дело. С Деньером они вместе учились, а когда Спайк женился на Дейдре, Лессер ему просто завидовал. И что же теперь? Пока бедняжка Ди сидела дома, ее муж превратился в гомика. Какой позор для генерала и какой позор для службы.

Как-то раз Фрэнк провожал Ди домой с вечеринки. Спайк тогда был на дежурстве.

Ди пригласила Лессера зайти на чашечку кофе. У них все состоялось, и это было просто чудесно. Фрэнк никак не мог понять, как можно было сменить такую женщину на...

Лессер снова включил монитор и болезненно скривился – Спайк Деньер тяжело дышал и при этом поглядывал на часы.

«Спешит, сукин сын...» – усмехнулся Фрэнк.

На столе запиликала трубка специальной связи.

– Лессер слушает.

– Привет, Фрэнк, – услышался голос Руди Коэна, ведавшего устранением особо штрафившихся сотрудников.

– Судя по тому, что мне звонишь ты, адмирал принял решение, – сказал Фрэнк Лессер.

– Да. Парень действительно вляпался с ложным доносом на офицеров-десантников. И теперь там почти что бунт. А эти люди работают в проекте...

– В том самом?

– Да, в том самом...

– Слушай, а зачем ты мне позвонил? По службе в этом нет никакой необходимости...

– Но вы же с ним близкие люди. Вместе учились... – сказал Коэн.

– Не нужно этих соплей, дружище. То, что ты сейчас делаешь, называется подставкой...

– Ну как ты мог подумать, Фрэнк? – изобразил негодование Коэн, досадуя, что не сумел выдать из Лессера никакого компромата. Старый шпион легко держал удары и обладал хорошей реакцией.

– Делай свои дела, Руди, а я лучше займусь своей работой, – сказал Лессер.

33

Грэйс шла рядом с командиром и старалась копировать любую его реакцию.

Если Форш говорил «Толковая вещь», девушка одобрительно кивала головой, а когда он говорил «Что-то слабовато выглядит», Грэйс кривила губы и всем видом показывала, что тоже не находит тут ничего хорошего.

Экипаж «Тритона» в неполном составе – Форш, Грэйс, Ник Дилонги и Боб Реслер – с важным видом переходил от стенда к стенду, подбирая себе машину с подходящей комплектацией.

Вот сверкающий черным лаком «Дефендер». Его мощные орудия грозно смотрели вперед, а клешни были оборудованы алмазными захватами, пилой и плазменным резак. Машина выглядела очень впечатляюще, однако была тяжелой и в узких корабельных переходах ей было бы тесно. Стоил «Дефендер» половину «Тритона».

Форш и его люди потрогали пушки «Дефендера» руками и пошли дальше.

Возле невысокого «Бекаса» они опять остановились.

Пулеметы, легкие ракеты – вооружение вполне подходящее. Было видно, что «Бекас» быстро бегает, однако слабая броня не позволяла ему отвлечь на себя огонь противника. Этот робот был слишком легкой птичкой.

Покупатели пошли дальше и остановились у стендов «Херст Скай Машинс» – самой старой и уважаемой фирмы на рынке вооружений. Для привлечения публики на одном из стендов стоял устаревший «Крафт-109». По заложенной в нем программе он совершал танцевальные движения.

Возле продукции уважаемого производителя было много покупателей, и они задавали продавцам массу вопросов. Те терпеливо объясняли, не делая различий между покупателями-профессионалами и теми, кто спрашивал что-то вроде: а как часто его нужно красить?

Над самой большой площадкой время от времени поднимался летающий танк «Валькирия». Турбины работали в приглушенном режиме, и парение многотонной машины давало свои результаты. Несколько покупателей уже оформляли документы на покупку этого чуда.

– Может, и нам такой купить, а, Джим? – шутя предложил Боб.

– Ага, на рыбалку ездить, – согласился Ник Дилонги.

– Как только поймает Визиря, купим здесь все, – пообещал Джим, и все засмеялись.

Про Визиря знал каждый. Одно время его разыскивали все – от государственных спецслужб до третьеразрядных детективных агентств.

За Визиря предлагали сначала пять, а потом и все десять миллионов. Поначалу всех охотников за головами охватила золотая лихорадка, и, забросив все остальные, менее выгодные контракты, они бросились на поиски. Однако Визирь как сквозь землю провалился. Его нигде не было.

Некоторые на этом прогорели – им казалось, что еще немного, и они выйдут на след головы стоимостью десять миллионов, но – увы.

Со временем история о Визире превратилась в байку, и многие охотники уже просто не верили в реальное существование этого человека.

– Вот что нам нужно, ребята, – сказал Форш, указывая на стенд с «Германиком» – машиной, являвшейся аналогом «Канберры».

Робот был выкрашен в темно-синий цвет. На манипуляторах красовались автоматические пушки. Плечи робота украшали ракетные направляющие, и вдобавок «Германик» стоял на пневмоподшвах, что гарантировало ему устойчивость и легкий ход.

Машина была не широкой, что тоже подходило для ведения abordажных операций. Однако цена «Германика» заставила охотников отказаться от красивой мечты – пятьсот двадцать тысяч.

– Нет уж, пойдем лучше смотреть «Канберру», – вздохнул Боб Реслер, и все с ним согласились.

– Одну минуту, господа...

Из-за стойки с рекламными буклетами вышел один из продавцов. На его фирменном пиджаке была приколотая карточка с фотографией и именем «Маркс».

– Я видел, с каким восхищением вы разглядывали «Германик», а теперь вы уходите – почему? – Маркс улыбнулся фарфоровой улыбкой, точь-в-точь как на фотографии.

– Цена, мистер Маркс. Мы не можем позволить себе такую роскошь, – ответил за всех Форш.

– Но, может быть, лизинг?

– У нас нет поручителя...

– Тогда в рассрочку с внесением залога... Половину сейчас, а остальное...

– Наш единственный залог – это судно типа «ВТ-14», – грустно произнес Джим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.